

АРТЕМ РЫМСКИЙ

ПОКА
ОНО
СЧИТАЕТ

Артем Римский

Пока Оно спит

«Издательские решения»

Римский А.

Пока Оно спит / А. Римский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905065-6

Что скрывается за мечтами? Что хранит молчание, пока продолжается путь?
Что показывает свой оскал, когда приходит время остановиться на грани
отчаяния? То, что принято не замечать. То, что рано или поздно начинает
кричать совершенно незнакомым голосом. То, что заслуживает внимательного
наблюдения, пока оно еще мирно спит где-то в глубине...

ISBN 978-5-44-905065-6

© Римский А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пока Оно спит

Артем Римский

© Артем Римский, 2018

ISBN 978-5-4490-5065-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сантория.

Итак, Сантория – это несуществующее государство.

Создание Сантории не является попыткой сотворить некий уникальный и неподражаемый мир, со своей этнической группой, эксклюзивной архитектурой или невиданными донные элементами инфраструктуры. Не является попыткой описать модель идеального государства или создать прототип библейского Вавилона. Не является попыткой отразить условия жизни людей при нетипичных условиях или попыткой анализировать поведение и мотивацию конкретного типа личностей.

Нет!

Идея Сантории – это поместить несуществующее содержимое в несуществующую среду. В такую среду, которая одновременно сможет дать достаточно простора для фантазии, и в то же время, не позволит фантазии уклониться слишком далеко от рациональной реальности. Идея Сантории первостепенна по замыслу, но второстепенна в самой реализации этой идеи; тут на первый план выходит то, для чего Сантория – место действия.

Для любого вида представления нужна площадка, на которой будет удобно создать это самое представление: студия для кинофильма, поле для футбольного матча, сцена для театрального спектакля. Сантория представляет собой литературную сцену и набор декораций, с помощью которых будет разыгран литературный спектакль. Сцена эта, хоть и небольшая, но располагает необходимым комфортом, а декорации будут служить лишь необходимым фоном, и не будут отвлекать основное внимание от главных действующих лиц.

Саму суть Сантории можно понять лишь с помощью ее жителей. Именно в их судьбах и в сюжетах их жизнью заключается смысл Сантории.

Справка

Сантория, официально – Санторийская федеративная республика – государство в Центральной Европе. По форме оно напоминает горизонтальный овал, неправильной формы. Практически вся территория Сантории покрыта лиственным лесом, юго-западная часть увенчана горным кряжем, северо-восточная – напротив, лежит на равнине. С запада на восток страну пересекает река Ситара.

Площадь Сантории – 33 141 квадратных километров.

Население – 5 342 171 чел.

Столица – Санторин, с населением 697 455 чел

Сантория – это федеративная республика, объединяющая пять самостоятельных земель, одна из которых является столичным городом. Каждый административный субъект обладает собственными внутренними законами, однако, полномочия их ограничены федеральной конституцией.

Северный округ – Старая Сантория, с административным центром – Мэйвертон. В южной части Старой Сантории находится и столица государства.

Южный округ – Новая Сантория, центр – Санлайт.

Западный округ – Арстад, с одноименным административным центром.

Восточный округ – Каст, также с одноименным административным центром.

Сантория – парламентская республика. Главой государства является федеральный президент, избираемый сроком на четыре года. Органом исполнительной власти является Федеральное Правительство, во главе с премьер-министром. Парламент Сантории – двухпалатное Федеральное Собрание, состоящее из Национального Совета (130 депутатов), избираемого

всеобщим голосованием, сроком на четыре года, и Федерального Совета (36 депутатов), избираемого органами власти округов.

В основе политики Сантории лежит двухпартийная система. Основные конкуренты на внутренней политической арене – Санторийская народная партия и Либеральная партия республики Сантория.

Высшая судебная инстанция – Верховный Суд Сантории. Смертная казнь отсутствует во всех субъектах государства.

Сантория является членом Организации Объединенных Наций, и членом Шенгенского соглашения. Однако, объявив по примеру Австрии и Швейцарии о постоянном нейтралитете, она не входит не в один военно-политический блок. Также Сантория не является членом Европейского союза – за сохранение независимости экономики и национальной валюты на всенародном референдуме проголосовало 69% населения страны.

Вооруженные силы Сантории состоят из сухопутных войск и военно-воздушных сил. Общая численность Санторийской армии – 34 000 человек. В Сантории действует закон о всеобщей воинской повинности, срок службы – шесть месяцев.

Климат в Сантории – умеренный, с теплым, солнечным летом и мягкой зимой.

Официальный язык – санторийский. Находясь в центре Европы, эта страна стала центром пересечения различных культур и национальностей, и является примером расовой и культурной толерантности.

Официальная валюта – санторийский франк.

Крупнейшая религиозная организация – Римско-католическая церковь. Примерно 70% верующих – католики, в меньшей степени – примерно по 12% – православные и протестанты.

Сантория – развитая индустриально-аграрная страна с высоким уровнем жизни. Объем ВВП на душу населения составляет 67 тысяч долларов. Среди сильных сторон экономики – текстильная и деревообрабатывающая промышленность, отрасли машиностроения и высокоточной механики. Также, несмотря на маленькую площадь, в Сантории процветает сельское хозяйство. Важным экономическим фактором является развитая сфера туризма – зимой это горнолыжные курорты на юге страны, летом – Карленское озеро с его живописными лесными пейзажами на севере.

Сантория – важный мировой финансовый центр, и входит в десятку стран – крупнейших экспортеров капитала.

Высоко развит уровень культуры и образования, в каждом крупном городе обязательно имеются театры, музеи, университеты. Шедевром архитектуры классицизма является здание филармонии в Касте, модернизма – театр Оперы в Мэйвертоне. В стране несколько католических храмов эпохи барокко, во многих городах Старой Сантории сохранились мелкие архитектурные памятники средневековья. Квартал «Старый Город» в Санторине, замок Арстад и многие другие исторические объекты Сантории объявлены организацией ЮНЕСКО памятниками мирового значения.

Но главной достопримечательностью Сантории являются люди, которые ее населяют. Люди – самое крупное богатство любого государства на планете, в том числе и Сантории. Перипетии судеб, темные закоулки сознаний, мысли и поступки. Мотивы, которые порождают желания и стремления. Желания и стремления, которые порождают пути и средства. Целый мир, замкнутый в каждом отдельном человеке; спектакль, разыгрываемый на сцене человеческого миропонимания; роль, ради которой каждый приходит в этот мир. Счастье и горе, любовь и ненависть, добро и зло – все вечное, что можно найти в этом мире, без труда можно найти и в Сантории. Все, на чем стоит наш мир не обошло стороной и эту страну. Ежедневные постановки самого колоссального аттракциона – жизни. Ее индивидуальные сценарии – такие похожие и знакомые.

Вот, собственно, и все.
Добро пожаловать!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОКА ОНО СПИТ

Прохладный сентябрьский вечер опускался на городские улицы. Ветер подул сегодня сильнее обычного, вынуждая тем самым повыше застегивать куртки и поднимать воротники. Однако Катрина намеренно решила немного увеличить путь к дому и пройти лишних двести шагов через небольшой сквер, который располагался по левой стороне улицы Виктора Гюго, в то время как дом в котором жила девушка, находился в ста метрах справа. Войдя в сквер, Катрина замедлила шаги и стала глубокими вдохами ловить прохладный воздух, в котором уже не ощущалось томящих летних ароматов, уступивших место бодрящей осенней свежести. Пройдя шагов тридцать, она присела на лавку, и, прикрыв веки, просидела так около минуты, наслаждаясь тишиной, которую нарушал лишь шелест листьев, развеваемых ветром. Открыв глаза, девушка зацепилась взглядом за кленовый лист, который порывом сорвало с ветви и теперь кружило в метре над землей. Но каким-то образом, когда лист был уже готов опуститься к своим павшим собратьям, новый порыв ветра подхватывал его и вновь уносил ввысь. Катрина встала и, поймав нерадивый листок, опустила его на землю, после чего, тем же неторопливым шагом продолжила путь домой.

В подъезде своего дома ее чуть не сбил с ног мальчишка лет шести, бежавший по лестнице перепрыгивая через две ступени.

– Тише, тише! – улыбнулась Катрина. – С ног собьешь ведь!

– А моя мама говорит, что вы – сумасшедшая, – отозвался ребенок и сбавил шаг.

– А почему твоя мама так говорит? – Катрина аккуратно тронула ребенка за плечо, тем самым остановив его, и внимательно посмотрела ему в глаза. Она знала, что это сын ее соседей этажом выше.

– Потому что... – ребенок смутился, и хотел было продолжить путь, но Катрина крепче стиснула его плечо. – ... Вы постоянно разговариваете! – выпалил он, и вновь собирался вырваться.

– Так вот, – строго сказала Катрина осмыслив услышанное. – Передай своей маме, чтобы она лучше следила за своими килограммами, а не за чужими словами. Понял?

Катрина отпустила мальчика, и тот быстро помчался вниз по лестнице.

Поднявшись на третий этаж, девушка отперла ключом дверь своей квартиры и, постояв десять секунд, вошла. С какой-то грустноватой и задумчивой улыбкой на лице, она прошла в кухню и принялась выкладывать на стол купленные по дороге домой продукты.

– Знаешь, – тихим голосом и все с той же улыбкой на лице заговорила Катрина, – я так обожаю эти первые осенние холодные ветра. Что-то в них есть чарующее... ну, по крайней мере, в моем понимании. Что-то необъяснимое и новое они приносят с собой каждый год. Да... вот только мы не в состоянии понять, что именно. Будто своей свежестью они хотят утолить какую-то нашу жажду, но это свежесть растворяется в наших застоявшихся и задыхающихся душах... вот это я загнула, – улыбнулась девушка, откладывая пустой пакет.

– Я оставила машину на работе, – продолжала неторопливо говорить Катрина, доставая из шкафа небольшую кастрюлю. – Хотела насладиться этим воздухом. Не знаю... может это и смешно? Но мне все равно. Что смешного, если мне нравится ветер? Да, хотела поужинать в ресторане, точнее, если честно в какой-то забегаловке, но по дороге мне вдруг дико, прям до крика, захотелось просто отварного риса с зеленью, и залить его пообильнее соевым соусом. Что может быть проще? Но ты ведь знаешь, что рис – это мой враг номер один на кухне. Поэтому вот, – девушка указала на купленные продукты. Набрав воды в кастрюлю и поставив ее на плиту, она распаковала коробку с рисом и положила один стограммовый пакетик в воду.

– Не удивлюсь, если даже в этом пакете он у меня получится сплошным белым комком. Да... это будет уже патология; даже смотреть будет стыдно, не то, что есть. Какого черта? Я ведь люблю рис, почему он меня не жалуется? Тут что, нужны специальные способности? Особое отношение? Хрен с ним. Ножи совсем тупые, – продолжала Катрина, помолчав минуту и нарезая зелень. – Я так редко ем дома. Как будто сложно постоять у плиты полчаса, вместо того, чтобы таращиться в монитор компьютера. Бред какой-то. Оно же ведь, когда сам готовишь, то намного вкуснее, чем даже от шеф-повара какого-нибудь ресторана. Да... что-то я сегодня об этом на работе подумала, когда мы с Линой обедали каким-то получерствым пирогом в соседней кофейне. Хотя, скорее всего, это мне он показался таким, потому что кофе показался мне тоже похожим на коричневую кипяченую воду. Нет, я не то, что брезгую там, или еще что... просто, думаю, пару раз в неделю нужно есть что-то свое. Хотя за два года я уж точно и окончательно разучилась готовить. Наверное.

Закончив с зеленью, Катрина подошла к окну и устремила взгляд на тот самый сквер, через который недавно проходила. И хоть ответом на ее монологи было полное безмолвие и тишина, она продолжала говорить.

– Аренду сегодня заплатила. Все нормально. Сентябрь получился на удивление хорошим. Еще бы октябрь и ноябрь так, и я расплачусь за долбаный Фольксваген. Я до сих пор не врубаюсь, какой черт попутал меня его купить. Я скучаю по Мазде. Наверное, я его продам, когда расплачусь за него. Он большой и неудобный. И бесит меня. Вот так. Сегодня разбирала отчеты за прошлые года. Магазин постепенно, хоть и не спеша, но прибавляет. Наша с тобой маленькая антикварная лавка. Хоть и говорят, что я вполне потянула бы что-то посерьезней, но я и в мыслях не допускаю закрыть его. Лина меня все склоняет заняться шмотками. Какого хрена? У нее на шмотках, и я точно это знаю, помимо аренды и товара остается меньше трех тысяч. Но она всех уверяет, что у нее все отлично. Сука, – злорадно улыбнулась Катрина, – хочет, чтоб и у меня все было «отлично». Сегодня пришло двенадцать новых часов, и двое я сегодня же и продала. Еще какая-то бабка купила, наконец, эту долбаную картину с подсолнухами. Наконец. Она явно пришибленная. Первый раз приперлась ко мне два месяца назад. Говорит: «Сколько стоит»? Я говорю, что шестьдесят франков. Она отвечает, мол, дорого, если б пятьдесят пять, то еще можно. Я скинула до пятидесяти семи, она сказала, что подумает. Приходит через месяц, спрашивает: «Еще пятьдесят семь»? Говорю, что да, а она мнетя и башкой машет. «Нет, дорого» говорит и уходит. Я говорю: «Ладно, вам за пятьдесят пять отдам». А она говорит, что все равно дорого. Ну, сука, думаю, иди, ищи дешевле. Думала, наверное, что я буду каждый месяц скидывать ей по два, по три франка. Сегодня приходит и говорит: «Ну что дочка, пятьдесят пять еще»? Говорю: «С какой стати? Минимум за пятьдесят семь, из уважения к вашему возрасту». Она давай хныкать, что прошлый раз за пятьдесят пять было. А я ей говорю, что закупочные цены выросли, мне тоже нужно на что-то жить и так далее. А по ней прямо видно, что старуха мерзкая и сварливая, видимо, такими методами и привыкла брать. Минут пятнадцать ныла и торговалась, но я с пятидесяти семи не сдвинулась. Любой бы другой старушке и десять франков бы скинула, но не этой. И забрала. Отсчитала пятьдесят семь и забрала. Может мне и должно быть стыдно, но мне не стыдно. В общем, на работе пока порядок, и я, в принципе, довольна. Меньше четырех тысяч франков я не зарабатываю. Нормально? Я считаю, что да. Нормально. Я помню, как мы с тобой боялись прогореть, ты все меня отговаривал, а я настаивала, хотела некой самостоятельности. На самом деле – мне было просто интересно – получится у меня или нет. Пока получается. Тысячи четыре в месяц чистыми – это неплохо. Но если верить Лине, то и две – это отлично. Вот и думай.

Катрина отошла от окна и приоткрыла крышку кастрюли, вода в которой уже закипала.

– Сколько там ему кипеть надо? Минут пятнадцать? Пятнадцать, – прочла она на упаковке. – Вина охота.

Девушка принесла из спальни откупоренную бутылку красного вина и налила себе половину бокала. Сделала небольшой глоток и поморщилась.

– Гадость. Вкусная гадость.

Катрина вновь подошла к окну, но вдруг дернулась всем телом и вскрикнула, быстро поставила бокал на стол и, побежав в прихожую, затараторила:

– Я же совсем забыла. Ты не поверишь, что я нашла сегодня. Разбирала старые бумаги на работе. И в какой-то папке... – она вернулась в кухню, роясь в своей сумочке, – да... и в какой-то папке, наверное, за позапрошлый год... нет, наверное, все-таки за одиннадцатый. Да куда же я ее засунула, мать твою... скорее за одиннадцатый, потому что на озере мы были в одиннадцатом, – Катрина продолжала судорожно, но тщетно рыться в сумочке, выбрасывая на стол, все, что попадалось ей в руки. – Да что за издевательство, а?! – вскрикнула она, и тут же хлопнув себя ладонью по лбу, отбросила сумочку в сторону и вновь бросилась в прихожую. – Вот дура, я же ее в карман пальто сунула перед уходом. Сейчас!

Девушка неловким движением вытащила из кармана пальто фотографию небольшого размера, провела по ней пальцами правой руки и медленно прошла в спальню. Она села на кровать и с нежной улыбкой устремила взгляд на фото, на котором она была запечатлена в объятиях высокого, светловолосого парня. Они стояли в высокой траве, которая поднималась им практически до пояса, на фоне Карленского озера.

– Твоя любимая фотография. Ты попросил меня распечатать ее для тебя, чтобы всегда она была при тебе. Говорил, что это больше чем фотография, что на ней сфотографированы не наши тела, а наши души. Знаешь, милый, – Катрина весело засмеялась, – я смотрю на нее и в упор не вижу никаких душ. Все-таки – это просто наши тела. Да... все просто. Хорошо там было. Я думаю съездить туда как-нибудь. Знаешь, даже в Альпах мне не так понравилось, как в Карлене, это действительно был наш самый классный отдых. – Катрина вздохнула. – Потом ты ее потерял, я помню, ты очень расстроился. Весь дом перерыл вверх дном, а, оказывается, забыл в магазине. Или специально выложил, и вылетело из головы, кто знает. Я поставлю ее здесь, рядом с тобой.

Девушка придвинулась к тумбочке, что находилась у изголовья кровати, на которой стояло фото того самого светлого парня в черной рамке, на котором он улыбался широкой и жизнерадостной улыбкой. Катрина попыталась поставить найденное на работе фото рядом, оперев о стену, но оно тут же соскользнуло и упало на пол.

– Что не так? – с удивленной улыбкой произнесла она. – Ты же всегда любил этот снимок. Или разлюбил? Тогда знаешь, что сделаем? – она подняла фото и аккуратно положила под подушку. – Раз так, значит, теперь эта фотография будет всегда со мной, как раньше была с тобой.

Катрина провела ладонями по лицу и улыбнулась фотографии в черной рамке.

– Вот так.

Затем приблизилась к снимку и коснулась его губами, после чего устремила взгляд в пространство и просидела минут пять в полной тишине. Из этого состояния ее вырвал стук подпрыгивающей на кастрюле крышки.

– Черт, мой рис! – вскрикнула девушка и кинулась в кухню.

... – Нормально, – поужинав и вставая из-за стола, прокомментировала Катрина. – На самом деле не вкусно, – с улыбкой добавила она, моя посуду. – Не буду больше страдать дуры... как взбредет что-то в голову.

Она налила себе второй бокал вина и, сделав большой глоток, прошла в спальню, где села на кровать на том же месте – напротив фотографии покойного мужа.

– Девчонки из торгового центра звали сегодня в бар или кафе, я отказалась – неохота. Мне в последнее время что-то скучно в местах скопления народа, не то чтобы некомфортно, а именно скучно. Все эти разговоры, шутки и улыбки меня утомляют, и вместо расслабленно-

сти я начинаю чувствовать усталость. Не знаю, когда это началось, не помню, но затворнический образ жизни кажется мне более подходящим. По крайней мере, в настоящее время. Ты считаешь, что это неправильно, – она взглянула на фотографию и вторым большим глотком допила остатки вина. – Лучше с книгой поваляться или фильм посмотреть.

Катрина откинулась на кровать, и вино ударило ей в голову, по телу расплзлась приятная усталость, а мысли немного затормозились.

– А лучше, просто ляжем спать, – сказала она спустя минуту, – что-то я сегодня устала сильно, или вино разморило. Приму ванну и лягу спать.

Она вновь села на кровати и склонив голову, запустила руки в волосы.

– Да... – проговорила девушка, – да... все неправильно. Все неправильно.

Спустя десять минут она лежала в горячей ванне и из глаз ее текли слезы. Катрина не рыдала, не всхлипывала и не вздрагивала, слезы текли сами собой – это был беззвучный плач, к которому девушка уже привыкла и который не могла контролировать в минуты тишины и полного уединения. Он подкрадывался аккуратно и деликатно, отступая, когда Катрина нуждалась в концентрации или находилась в обществе, но безжалостно выходил наружу, как только чувствовал, что нет для этого преград. Никогда не было истерик или просто эмоциональных взрывов, был лишь этот беззвучный плач, который не нарушал тишины, и как думала девушка, с ним выходила боль и тоска, накопившиеся за долгий одинокий день, чтобы на следующее утро вновь начать собираться по крупинкам, и вечером вновь освободить душу со слезами. На протяжении двух лет со дня гибели мужа был лишь этот плач...

– Все неправильно и мы это знаем. Что я должна делать, подскажи мне как-нибудь, дай какой-то знак, я не знаю, что я должна делать и как должна жить дальше, правда, не знаю. Я в полной растерянности, за два года я не нашла ни намека на ответ как я должна преодолеть эту боль. Я ведь знаю, что ты устал видеть меня в таком состоянии, что ты устал видеть мои слезы, устал видеть страдания, устал понимать, что твое отсутствие является прямым их следствием. Те, кто пережил подобное, говорят, что боль никогда и никуда не уйдет, что с ней просто нужно научиться жить, научиться прятать ее и обезболить. Говорят, что обезболивающее в данной ситуации – это просто пытаться искать положительные эмоции, и я знаю, что ты бы сказал то же самое, что ты искренне желаешь, чтобы я жила нормальной полноценной жизнью... но я не могу. Я не могу отпустить тебя, я не могу дать тебе отойти хоть на шаг, не могу представить, что ты сможешь уступить место чему-то другому. Господи, как же это эгоистично и мерзко, но я не могу. Я просто схожу с ума, просто... я просто очень хочу, чтобы ты был рядом, чтобы ты был со мной. Чтобы сейчас раздался твой голос «ты там еще не замерзла?», чтобы, когда я вышла, на тумбочке у кровати стояла чашка горячего чая, приготовленного тобой, хочу заняться с тобой сексом и потом уснуть рядом с тобой. Господи, я просто до сих пор не понимаю, что этого уже никогда не случится, я действительно этого не понимаю. Может ли быть такое, милый? Может ли человек быть настолько обезумевшим? Дай мне какой-нибудь знак, я прошу тебя. Я ведь теряю себя, растворяюсь и чувствую, как жизнь проходит стороной, не воспаляя во мне никаких желаний и стремлений. Все безразлично и все не имеет значения. Я как будто четко понимаю, что все приходит и уходит, так зачем за что-то цепляться? Я читала, что этот страх рождает боль потери, что я подсознательно боюсь приобрести что-то новое из страха вновь это потерять. Но проблема в том, что мне кажется я не испытываю никакого страха, я не боюсь, я просто не хочу. И знаю, что ты говоришь мне сейчас, что это неправильно, знаю, что ты сейчас киваешь головой, а из твоих глаз тоже текут слезы, когда ты слышишь эти слова. Но я не могу, что мне делать?.. Я просто очень тебя люблю. Я люблю тебя больше этой жизни... и жизнь без тебя мне не интересна. Все кажется мишурой, кругом какая-то бесконечная суeta и замкнутый круг. И счастье не купить в том мире, где даже искренняя улыбка стоит очень дорого и многим не по карману...

– Спокойной ночи, – сказала Катрина, ложась в постель. – Я люблю тебя... я очень тебя люблю.

Проснувшись Катрина не от звука будильника и не от ощущения рассвета. Она проснулась от чувства неприятного подергивания в области желудка и странного ощущения необъяснимой тревоги. Девушка лежала не открывая глаз и пыталась понять, что эту тревогу могло вызвать, вспоминала события предыдущего дня и составляла их цепочку, но никакого определенного ответа, оправдывающего чувство беспокойства найти не могла. Она попыталась было снова уснуть, но и эта попытка оказалась безуспешной. Катрина открыла глаза и посмотрела на часы, была половина восьмого.

– Доброе утро, – сказала она, потягиваясь, после чего села на кровати и поцеловала фотографию.

Ни душ, ни чашка горячего кофе так и не сняли чувство далекой тревоги в ее душе, более того, девушка чувствовала, что эта тревога нарастает и исходит из глубины души, а не с поверхности сознания, когда легко можно ответить на вопрос «что же мучает».

Выйдя на улицу, предварительно положив в карман пальто фотографию, извлеченную из-под подушки, Катрина вновь ощутила такой любимый ею аромат осенней свежести и глубоко вдохнув, некоторое время держала этот воздух в легких, в надежде, что он растворится в ней и своей свежестью рассеет все страхи и беспокойства. По дороге на работу она пыталась отвлечься от назойливого чувства с помощью музыки и наушников, а открыв магазин, сразу принялась наводить порядки на витринах и под ними. Покончив с ними принялась протирать и без того блестящие картины и часы, которые полностью занимали одну из стен павильона. Как думала девушка, активность и занятость смогут ее отвлечь, но не тут-то было – беспокойство не отпускало ее ни на минуту, и волнами накатывалось на ее нервы. Оно также выражалось в крайнем раздражении в обращении с покупателями, чего Катрина при любых обстоятельствах старалась себе никогда не позволять. Но сегодня она не могла совладать с эмоциями и замечала, что в людях ее раздражает абсолютно все: от внешности до их вопросов, которые казались девушке бесконечно глупыми. Раздражение продавца передавалось и покупателям, и до обеда девушка была дважды в шаге от неприятных скандальных сцен и два человека покинули магазин с клятвенным обещанием никогда больше не переступить этот порог, на что Катрина в свою очередь замечала, что весьма этому рада.

Ближе к двум часам дня она уже подумывала, не выпить ли ей какой-нибудь успокоительной таблетки, которых она всячески избегала и сторонилась, так как тревога начала приобретать все более ярко выраженный характер. Она чувствовала, что не может усидеть дольше двух минут, все мысли путаются и, ворвавшись в голову бессвязным вихрем, таким же вихрем ее покидают; она чувствовала полное отсутствие концентрации внимания. Все валилось у девушки из рук, и она даже заметила легкую дрожь в кистях. Но больше всего Катрину пугало то, что она ничем не могла объяснить эту тревогу, и в тоже время это ощущение казалось ей невероятно знакомым и вполне логически объяснимым.

Катрина решила сходить выпить кофе в кафе, в котором она неизменно обедала каждый день, и постаралась незаметно пройти мимо павильона своей приятельницы Эвелины, которая торговала дешевой одеждой, не стыдясь называть это брендовыми и эксклюзивными вещами. При этом, кроме несчастных покупателей она стремилась одеть в них и всех остальных людей работавших в торговом центре, к своему разочарованию абсолютно безуспешно. К слову, Катрина не считала ее ни подругой, ни приятельницей, но Эвелина бесцеремонно и постоянно напрашивалась в общество девушки, которая понимала, что просто ее уши пали жертвой выбора этой особы. Также и в этот раз Эвелина настигла ее уже у входа в кафе, и, соорудив обиженную гримасу, упрекнула Катрину в том, что та не пригласила ее с собой. Катрина же в отличие от своей знакомой была девушкой тактичной и сказать, что хотела пообедать в одиночестве, не решилась. Эвелина была дородной тридцатилетней женщиной с бегаящими зеле-

ными глазами, взгляд которых порой казался абсолютно не сфокусированным и крашенными рыжими волосами, обладала пышной грудью и бедрами немалого охвата, и как многие между собой отмечали – формы ее компенсировали количество серого вещества. То, что Эвелина неизменно тараторила, и что было трудно ее переслушать, Катрину обычно не смущало; сказать по правде, девушка просто не слушала, а воспринимала речи знакомой просто как звуковое сопровождение во время обеда, что не сильно отличалось от звучания радио или телевизора. Как признавалась себе Катрина, эта женщина на самом деле вызывала в ней, то чувство отвращения и умственного превосходства, которое, как и любому другому человеку, ей было приятно в себе поддерживать. Обычно не испытывая дискомфорта в ее обществе, сегодня Катрина, ввиду своего эмоционального состояния, была бы очень рада не видеть Эвелину, однако судьба распорядилась иначе.

... – Два года мы не виделись и не общались. Помнишь его, такой невзрачный и незаметный был всегда. Оказывается, он открыл в Санторине какой-то бизнес, связанный с парфюмерией и уже два года живет там, а сейчас приехал родителей навестить. Может и врет насчет бизнеса... но зачем ему врать, тем более мне. Короче, в сети нашел меня и написал, – тараторила Эвелина. – Написал, что я отлично выгляжу, что совсем за два года не изменилась, ахаха, как думаешь, изменилась, ахаха, или нет?

– Нет, – едва скрывая раздражение, коротко ответила Катрина.

– Ахаха, не знаю даже... ну так вот, и пригласил меня на выходных встретиться где-нибудь, – тут Эвелина перешла на шепот и слегка наклонилась в сторону Катрины, а затем с нотой торжественности и, закатив ехидные глаза, добавила: – И я не знаю, что мне теперь делать, ахаха.

Должно сказать, что речь Эвелины практически всегда, чуть не ежесекундно сопровождалась гримасничаньем, закатыванием глаз и идиотским смешком, и в настоящее время каждый раз слыша этот смешок, Катрине казалось, что кто-то дергает в ней туго натянутую струну, которой были ее нервы. Последний же вопрос Катрина слышала уже раз в двадцатый, на который она, как обычно, ответила пожиманием плечами, и как обычно, услышала одно и то же продолжение.

– Я думаю, стоит сходить, ахаха. Почему бы и нет? К тому же пару флаконов духов, я думаю, он не зажмет, а? Ахаха.

– А как же муж? – спросила Катрина, сделав усилие, чтобы поднять трясущейся рукой чашку с кофе. Эвелина это заметила, но не заострила внимание, а вновь наклонившись ближе, сказала тем же торжественным шепотом:

– А кто же ему скажет, ахаха? – она резко откинулась на спинку стула. – Ты же не скажешь, а? Ахаха.

Катрину передернуло от отвращения, которое она не смогла сдержать во взгляде, брошенном на собеседницу. Та, возможно, и заметила это выражение, но опять же пропустила мимо.

– А что такого, ахаха? Это же просто чашка кофе. А может... – вновь наклон и торжественный шепот, – может и бокал вина, ахаха. А может... – вновь резкий отброс тела на спинку стула, – может и не один, – и тут она дала волю залиvistому хохоту.

Отсмеявшись и отпив зеленого чая из своей чашки, она продолжила, дернувшись всем телом:

– Я, наконец, заставила его вчера установить этот заборчик. Этого идиота вообще тяжело заставить что-то делать, ахаха, тем более делать хорошо. Это относится и к самому главному, что он должен делать, ахаха. Так вот... видела бы ты, какая красота, у меня теперь аккуратный белый заборчик вокруг крыльца, прямо как в голливудских фильмах, ахаха.

– Лина, у многих такие заборы во всей стране, – прокомментировала сквозь зубы Катрина.

– Да, но мой – лучше всех, – отчеканила Эвелина, и выражение ее лица приняло самодовольно бескомпромиссное выражение, от которого у Катрины чуть не свело судорогой лицо. – И пусть, хоть один ублюдок, будь то малолетний идиот или пьяный урод – пусть хоть пальцем попробуют его испортить, нарочно или случайно, – Эвелина говорила все с тем же выражением лица, чеканя каждое слово и вкладывая в речь максимум угрозы и агрессии. Я возьму пистолет моего мужа – я знаю, где он лежит – и пристрелю уroda к хренам собачьим, я клянусь. Я имею право, – тут ее отпустило, и к ней вернулась ее привычная манера, – это ведь будет проникновение на частную собственность, ахаха. Ты должна мне кое-что пообещать.

– Что? – Катрина напряглась.

– Завтра ты заедешь ко мне и посмотришь на мой забор, ахаха.

– Даже не знаю, Лина, получится ли у меня, – девушка повела головой, стараясь дать понять, что эта идея ей совсем не по вкусу.

– А почему не получится? У тебя что, дела какие-то? Ахаха, сидишь дома безвылазно, ахаха, – Эвелина говоря это широко распахнула глаза и в данный момент действительно была похожа на идиотку.

Катрине же, после последних слов собеседницы, стоило немалого усилия сдержаться и не швырнуть чашку горячего кофе в лицо, которое вызывало в ней сейчас безграничное отвращение.

– Мне пора, – сказала она, вставая, но Эвелина удержала ее за руку.

– Нет, не пущу, пока не пообещаешь приехать завтра и полюбоваться на мой заборчик.

– Лина, мне пора, отпусти... я подумаю, – Катрина еле сдерживалась, чтоб не перейти на грубость.

– Пообещай, пообещай... – заверещала Эвелина, состроив жалобную гримасу; левой рукой она удерживала Катрину, а открытой ладонью правой руки яростно забарабанила по столу, – пообещай, пообещай, пообещай...

С каждым «пообещай» кровь в висках Катрины пульсировала все яростней и она четко чувствовала, что ее прорвет, если это продолжится еще хоть секунд пять и тогда Эвелине будет точно не до заборчика.

– Черт, обещаю! – гневно крикнула Катрина таким тоном, что любой другой человек абсолютно справедливо расценил бы такое обещание как «иди на хрен!», после чего развернулась и быстро пошла прочь.

Любой другой, но не Эвелина, которая осталась сидеть со своим идиотским выражением лица и с распахнутыми глазами.

Когда Катрина вернулась в свой павильон, ее трясло и колотило, словно у нее была температура под сорок. Вены на шее вздулись, и краска бросилась ей в лицо, все внутри нее колотало, и сердце было готово вырваться наружу. Она яростно бросила сумочку через витрину в сторону своего стола, но чувствуя, что этого недостаточно и не подчиняясь никакому самоконтролю, пробежала на склад, где схватила первую попавшуюся вазу и с размаху швырнула ее в стену. Грохот разбитого фарфора и звук падающих на пол осколков, немного отрезвил ее. Девушка стояла и тяжело дыша смотрела на то, что секунду назад было дорогой вазой и чувствовала как состояние истерии постепенно отступает. Дыхание понемногу переставало быть прерывистым, и, опустившись на стоявшую рядом коробку, Катрина обхватила голову руками, и попыталась окончательно взять себя в руки. Через минуты три она чувствовала себя уже вполне спокойно, чтобы вернуться к работе, но состояние тревоги, мучавшее ее с самого утра, никуда не ушло. Уступив место эмоциональному взрыву, эта тревога вновь вернулась, как только тот отступил.

И вдруг девушка поняла. Поняла, с чем это беспокойство было связано. Это было предчувствие, самое настоящее и теперь уже четко осознаваемое предчувствие того, что должно что-то произойти. Это было невероятное обострение интуиции, как казалось девушке, и эта

интуиция предупреждала ее о том, что вот-вот что-то произойдет. И отнюдь не хорошее. Да, Катрина ощущала, что ее предчувствие сулит ей неприятности, и возможно неприятности довольно серьезные. Это было предчувствие чего-то неизбежного и рокового, того, что навсегда оставит след в жизни и душе девушки, и уйти от этого не удастся ни при каких обстоятельствах.

Понимала Катрина это, потому что вспомнила. Вспомнила, когда и при каких обстоятельствах она уже испытывала это предчувствие, вспомнила, будто это произошло вчера. Она вспомнила день накануне гибели ее мужа. Вспомнила эту необъяснимую тревогу и панику, которая ничем не снималась и не выходила из сознания на протяжении всего того дня. Дождливый день, в который Пьер уехал в Санторин и должен был вернуться к вечеру. Она вновь вспомнила его звонок, в котором он сказал, что задержится и будет примерно к полуночи. Вновь вспомнила час ночи, и два часа ночи, и голос автоответчика на его мобильном, говоривший, что абонент находится вне зоны действия сети. Вновь вспомнила голос офицера в половине третьего ночи, который прозвучал как взрыв тысячи бомб, сообщая роковое известие. Вновь вспомнила скользкую дорогу и ливень, и огни сирен на пятнадцатом километре трассы Санлайт – Санторин. Вспомнила серебристый Фольксваген, капот которого был смят в гармошку от удара о столб линии электропередач, а лобовое стекло было выбито телом водителя. Вновь вспомнила крики, дикие нечеловеческие крики, душераздирающие вопли, стоявшие сплошной стеной звука, и первое время она не могла понять, кто их издает, пока не осознала, что кричит она сама...

Да, все это Катрина вспоминала сотни раз, вспоминала изо дня в день, переживала те события снова и снова, но сейчас вспомнила особенно ярко. Потому что вспомнила то назойливое и угнетающее чувство тревоги, сопровождавшее ее весь день накануне. Вспомнила, что не могла дать этому беспокойству никакого рационального объяснения, поиски которого лишь усиливали психическое возбуждение. До сегодняшнего дня с девушкой больше не случилось ничего подобного, и никогда прежде в ее памяти не восставали чувства, которые она испытывала накануне трагедии, уступая место тому, что она чувствовала непосредственно после того, как узнала о смерти мужа. Но сейчас со стопроцентной ясностью она понимала, что это абсолютно та же необъяснимая и неконтролируемая тревога, это было неоспоримое дежа вю. Но странно, девушка не испытывала страха, осознанного страха от ощущения опасности в ней не было. Сидя на коробке и обхватив голову руками, она удивлялась отсутствию этого страха и думала о том, что неужели подсознательно она готова к чему бы то ни было в жизни, неужели не пугала ее возможность нового потрясения? Но нет... дело было не в страхе, где-то далеко внутри она слышала голос своего рассудка, который указывал ей на одно странное обстоятельство. Указывал на то, что на самом деле Катрине уже известно, что с ней произойдет, что она знает о том, что ее ждет в ближайшем будущем – и это уже был не голос интуиции. Это был голос рассудка, который просил Катрину подумать еще совсем немного. Девушка вновь запуталась, она чувствовала сильную моральную слабость. Катрина встала, чтобы заварить себе чай, в надежде на то, что он поможет ей успокоиться, но тут же села обратно. Тот же голос рассудка вдруг зазвучал как бы ближе, подавая четкие и осмысленные команды. «Нет, нет... – девушка будто слышала эти слова, – нет, погоди. Сядь и подумай, пожалуйста, подумай, ответ совсем близко. Ты должна найти ответ сейчас, иначе потом может быть поздно. Катрина, милая, пожалуйста, подумай, спаси себя, спаси себя...»

И девушка задумалась. Следуя голосу разума, она старалась найти в себе ключ к разгадке, блуждала по лабиринтам мыслей и пыталась зацепиться за нить, которая выведет ее из этого лабиринта. Сквозь щель в простенке, отделявшем павильон от складского помещения, торговый зал хорошо просматривался и если бы кто вошел, это бы не ускользнуло от внимания девушки. Катрина напрягала ум и просила его проявить все свои лучшие качества и обещала собственному уму заботиться о нем, если только он сейчас ее выручит. И вдруг она ясно почув-

ствовала, что разгадка совсем рядом, что она витает в воздухе, что стоит только протянуть руку и поймать ее, поняла, что ум ее не подвел, а наоборот направил к решению. Да, Катрина чувствовала, что она в одной мысли от цели и тут, она увидела, что в павильон кто-то вошел.

От неожиданности Катрина вздрогнула и машинально встала. И в тот же момент потеряла нить своих размышлений, в одно мгновение весь вихрь мыслей покинул ее голову, и девушка поняла, что покинул безвозвратно. Но она не почувствовала ни горечи, ни сожаления, ни злости – наоборот, какая-то легкость в одну секунду заполнила ее разум, легкость пустоты и непринужденности. И самое интересное – если бы сейчас девушку спросили, о чем она думала пять секунд назад, она бы ни за что не вспомнила, как бы ни напрягала собственную память. На секунду Катрина даже задумалась о том, зачем же она зашла на склад и осмотрелась по сторонам в поисках цели. Задержав взгляд на осколках разбитой вазы, она пожала плечами, выдохнула и вошла в павильон.

– Здравствуйте, – поздоровалась она с вошедшим, и прошла к своему столу.

– Добрый день, – ответил тот. – Я так... посмотреть зашел, не возражаете?

– Ни в коем случае.

Это был молодой красивый парень лет двадцати шести, высокий шатен с пронзительным взглядом серых глаз. Во взгляде этом читалась какая-то пронизательность, которую Катрина заметила сразу, как только их глаза встретились при приветствии, однако же, как отметила девушка, пронизательность эта не вызывала ни подозрительности, ни неуверенности. Напротив, от молодого человека в целом, и от его взгляда в частности, исходило небывалое обаяние. Катрина же, сев за стол устремила взгляд в журнал, пока незнакомец осматривал витрины, но периодически инстинктивно и неосознанно поднимала глаза на парня, и с интересом наблюдала за ним в течение секунд пяти, после чего вновь возвращалась к журналу. Даже легкая неряшливость во внешнем виде молодого человека подчеркивала то самое природное обаяние и красоту его острых черт лица, несмотря на не очень аккуратно приглаженные волосы и трехдневную щетину. Он был одет в красивый кожаный плащ, спускавшийся чуть ниже пояса, как показалось Катрине очень не дешевый, расстегнутый на все пуговицы; но вот джинсы, свитер и кроссовки были совсем не новые и не дорогие, даже помятые. И опять же, это добавляло парню еще большую привлекательность, было необъяснимо, но абсолютно точно ясно, что в нем говорит не отсутствие стиля, а полное пренебрежение понятием стиля. Каждый день Катрина видела и общалась с сотней людей, но этот молодой человек сразу показался ей не то чтобы особенным, а просто интересным – без разговоров, без знакомства.

– Ух ты, что у вас есть, – заговорил парень, указывая на репродукцию «Четы Арнольфины» Яна ван Эйка. – Интересная картина, правда?

– Да, – улыбнулась Катрина, поднимая взгляд на картину. – Интересная, потому что гениальная, а люди любят все гениальное окутывать легендами и рассказами.

– Согласен, – улыбнулся парень в ответ, пристально взглянув в глаза девушке, и вновь этот пронизательный взгляд вызвал в ней приятное ощущение. – Сколько стоит?

– Сто десять франков.

– Что так дешево? – удивился парень.

– Ну, так это же не ручная работа... просто печать на холсте, – с улыбкой пояснила девушка.

Молодой человек удивленно перевел взгляд с девушки на картину, затем обратно.

– Так и не отличишь.

– Ну, это как сказать...

– Да уж... я не силен в искусстве, – засмеялся парень.

– Ну... если вы знаете о существовании этой картины, значит все уже не так плохо, – Катрина заметила, что улыбка не сходит с ее лица и даже если бы она попыталась заменить ее сейчас на серьезное выражение, у нее бы ничего не вышло.

– Вы так думаете? – парень вновь метнул в девушку взгляд. – Нет... все-таки есть в ней что-то жуткое, – продолжил он, – у моего дяди висела такая в гостиной, не знаю, ручная то была работа или печать... мне было лет десять, когда я ее увидел и почему то мне стало страшно, ну не то чтоб страшно, не по себе. Знаете почему? Мне казалось, что у этой леди на голове рога, это очень сильно впечатлило меня, – молодой человек широко улыбнулся. – Я минут пять смотрел на нее и не понимал, зачем девушке рога, что она – черт, что ли? Я спросил у дяди, почему у этой дамы рога растут, ну а он ответил, что это вовсе не рога, а такая прическа. Мол, в те времена такие прически были модными. Ну и тогда для меня все стало ясно, но впечатление уже осталось в детской душе, и с тех пор я всегда избегал вида этого полотна, когда бывал у дяди.

– А сейчас? Не жутко?

– Нет... уже нет. Последний раз я видел ее лет десять назад, видимо изгладился мой страх перед чертоподобной дамой.

Молодой человек отвел взгляд и принялся молча рассматривать другие репродукции, а Катрина вновь стала изучать журнал, с удивлением ощущая в душе некую легкость, в первый раз которую она почувствовала, как только парень вошел в павильон и еще не видя его. Минуты две прошли в молчании, и тут девушка интуитивно ощутила, что незнакомец сверлит ее взглядом. Катрина подняла глаза и убедилась в этом, парень пристально смотрел на нее в упор, он не улыбался, но девушка невольно почувствовала, что ее губы медленно растягиваются в улыбку.

– Вы очень красивая, – тихо проговорил молодой человек.

Тут Катрина почувствовала, как в ее душе что-то поднялось с самых глубин, на лице ее заиграла очаровательная улыбка смущения, она повела головой и потупила взгляд, рука соскользнула со стола, затем дернулась и машинально перевернула страницу журнала, что было делать вовсе не нужно. Катрина часто слышала комплименты в свой адрес, но в только что услышанных словах девушка, как ей показалось, ощутила какую-то правду и искренность, что отличает комплимент симпатии от комплимента вежливости или выгоды. Ей стало невероятно приятно, и вместе с тем она растерялась как юная девочка.

– Спасибо, – только и смогла выдавить она, да и то, не поднимая глаз.

Она даже не понимала, нужно ли сейчас говорить что-то еще, и если нужно то что, и вообще нужно ли сейчас ей что-либо делать. И она просто бесцельно водила глазами по журналу и столу все с той же смущенной улыбкой на лице, иногда поднимая взгляд на парня, который с невозмутимым видом рассматривал теперь стеллаж с настенными часами.

Катрина понимала, что этот молодой человек ей приятен, и что ее ощущения сейчас обострены. Но вдруг, ни с того ни с сего в ее воображении явился покойный муж... и он не улыбался. С лица Катрины улыбка тоже исчезла. «Да, он приятный, но не более» – пронеслось в голове девушки.

– Как вас зовут? – вдруг спросил парень.

– Катрина, – ответила девушка.

– Катрина, – повторил парень и улыбнулся, – и имя у вас красивое.

Улыбка вновь вернулась на лицо девушки.

– Очень приятно Катрина. Меня зовут Ричи.

– Взаимно, Ричи.

Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу. Ричи первым отвел взгляд, и, указав на большие деревянные часы с фигурными стрелками, сказал:

– Интересные часики, такой себе средневековый стиль.

– Да, есть такое... они, кстати, говорящие.

Ричи изобразил на лице выражение испуга, чем вызвал смех девушки.

– Не понял? – произнес он, прищуривая глаза.

– Ну, в смысле там есть функция, которая может заставить говорить который час через определенные промежутки времени, которые вы сами зададите, – широко улыбаясь, пояснила девушка.

– О, Господи, – выдохнул парень, – нет... к такому я еще не готов.

– Почему? – засмеялась девушка.

– Ну... не знаю... говорят... – тут Ричи принял серьезное выражение лица, – говорят, если говорить со стенами, то стены рано или поздно начнут отвечать. Думаю, то же самое и в этом случае: если часы будут говорить со мной, то рано или поздно я начну говорить с ними.

Катрина невольно вздрогнула, и улыбка застыла на ее губах, но Ричи не заметил этого, продолжая рассматривать часы.

– Хотя... – парень вновь улыбнулся, посмотрев на девушку, – может это и не так плохо. У всех ведь есть недостатки, без исключений, – он, сделал шаг навстречу девушке. – Знаете, какой у меня недостаток?

– Какой? – Катрина вышла из оцепенения.

– Я быстро влюбляюсь.

И вновь Катрина немного растерялась, и, опустив взгляд, повела головой. И вновь в ее воображении всплыл образ мужа, лишь на одно мгновение.

– А у вас? Назовите ваш недостаток? Осмелитесь?

Катрина, сама того не заметив, заговорщицки прищурилась и задумалась.

– Ахаха, – засмеялся Ричи, – вы задумались, вы считаете себя идеальной...

– Нет, вовсе нет, – Катрина тоже засмеялась. – Я задумалась просто, какой из них выбрать, их очень много.

– Не верю, – парень нежно взглянул в ее глаза. – Ну, выберете тот, который сейчас вам ближе других. Можете?

– Да. Я редко влюбляюсь, – и тут девушка поняла, что уже начинается флирт. Поняла, что ей это вроде и нравится, но не поняла хорошо это или плохо.

– Вот как! – парень поднял взгляд вверх и, засмеявшись, сделал шаг назад, а затем два шага вперед. Катрина тоже засмеялась, и их взгляды встретились, и девушке вовсе не хотелось отводить глаза, ей нравилось смотреть в его улыбающееся лицо и нравилось, когда он смотрел на нее своим пронизательным и добрым взором. Тут Ричи сделал еще шаг навстречу, и теперь их разделяло расстояние в полметра – лишь стол.

– Катрина... можно предложить вам...

Парень даже не успел договорить. Как только он открыл рот, с необычайной яркостью девушке вновь предстал ее муж, без тени улыбки, с каменным лицом, на котором девушка читала не что иное, как осуждение. Внутри нее все дернулось, и резко отведя взгляд, она взволнованно перебила:

– Простите, Ричи... я не могу.

– Не можете что? – спросил парень, иронично склонив голову набок. – Я ведь еще ничего не сказал.

И опять Катрина ощутила, как под влиянием этого человека к ней возвращается веселость. Поняв справедливость его слов, девушка приняла удивленный вид и прямо сказала:

– Вы ведь хотели пригласить меня куда-нибудь.

Ричи секунду внимательно смотрел на Катрину, а затем, улыбнувшись, слегка откинул тело назад и воскликнул:

– Да даже в мыслях не было!

– Что?! – засмеялась Катрина и спрятала лицо в ладонях. – Боже, как неловко!

– Стоп, стоп, стоп! – заговорил парень смеясь. – Если вы так подумали значит... значит, вы подсознательно этого хотели, да? Хотели, чтобы я пригласил вас выпить кофе. Ну, Катрина, посмотрите на меня.

Девушка подняла свое смеющееся лицо и резко и весело ответила:

– Нет!

Она ожидала немного другой реакции и продолжения этой веселой сцены, но Ричи вдруг принял очень серьезное выражение, и тон его впервые за весь этот разговор сменился на холодный, и даже где-то вдалеке на жесткий.

– Почему нет?

Лицо мужа без тени улыбки и одобрения настойчиво вернулось в воображение девушки, обдав ее жутким холодом с головы до ног. Она закрыла глаза, а когда открыла их через две секунды, чуть не отшатнулась. На нее был устремлен холодный и пронзительный взгляд серых глаз, в котором не осталось и тени нежности, доброты или, хотя бы, веселости. Этот взгляд тысячей иголок вонзился в Катрину и проник в самую глубину ее сознания, как ей показалось. Длился он всего несколько мгновений и ушел также резко, как и появился. Катрине вдруг стало не по себе, но она тут же взяла себя в руки.

– Так что вы хотели спросить? – вздохнув, произнесла она.

– Я забыл, – парень улыбнулся, но на этот раз Катрина не смогла ответить тем же. Что-то изменилось уже в самом предмете разговора. Странно, но девушка ощутила, что это именно так, одной интонацией и одним взглядом Ричи аннулировал всю свою притягательность, и Катрина не понимая, как такое может быть, признала это. Одной интонацией и одним взглядом он смог сменить симпатию на чувство настороженности, ни испуга или тревоги, а именно настороженности.

– И все же? – настояла Катрина.

Ричи несколько секунд смотрел ей в глаза, и вдруг – поразительно, – девушка ощутила как обаяние этого парня, вновь круша все преграды, проникает в ее сердце и возвращает ей веселое настроение. Лицо Ричи расплылось в очаровательной улыбке и Катрина, разумеется, улыбнулась в ответ – искренне. И в этот момент подумала, что предыдущий эффект вообще не мог иметь места, что было невозможно, чтобы этот молодой человек вдруг заставил ее насторожиться. Нет, это было связано не с ним, как думала девушка.

– Ну ладно... – сказал парень. – Я хотел сыграть с вами в маленькую безобидную игру.

Это было не совсем то, что намеревалась услышать Катрина, но все же интересно.

– Что за игра?

– Ну... допустим вы хотите узнать обо мне что-нибудь... задаете один вопрос с двумя вариантами ответа – «а» или «б». Задаете быстро, чтоб я не успел толком осмыслить вопрос, а моя задача также быстро ответить, в первое мгновение – это и будет подсознательная правда, без лишних размышлений выпрыгнувшая на поверхность. Потом я задам вам вопрос и вы должны будете так же быстро дать ответ. Ну как, идет?

– Ну, давайте попробуем, – сказала Катрина, и подперев рукой подбородок лукаво прищурилась. – Вот только...

– Что?

– Какова цель?

– У меня она есть, – парень, загадочно улыбнувшись, склонил голову набок. – Я точно знаю, что спрошу. Так что начинайте.

– А почему это я должна начинать? – девушка сделала игриво недовольное выражение лица.

– Ну, знаете ли, – засмеялся Ричи, – моя игра и мои правила.

– Вот как. Ну ладно, так стоп... я так поняла, что эта игра не на победу или поражение?

– А вот тут не все так просто. После ответа начинаешь понимать проиграл ты или выиграл.

– Даже так, – Катрина усмехнулась. – А я не буду играть в философию, задам первое, что мне пришло в голову.

– Отлично.

– Что вы больше цените в женщинах? а) ум; б) красота, – быстро проговорила Катрина.

– Красота, – в тот же момент выпалил Ричи.

Секунды две они молчали, глядя в улыбающиеся лица друг другу.

– Вы выиграли или проиграли? – спросила Катрина.

– Глядя на вас, я понимаю, что выиграл бы в любом случае, – тихо ответил Ричи, с нежностью глядя на девушку.

– Очень мило, – в этот раз Катрина уверенно отреагировала на комплимент, и посмотрела в глаза парня. – Ну, Ричи, ваша очередь.

– Вы готовы? – спросил парень, и взгляд его стал пристальным. – Помните, ответ должен последовать сразу.

– Я готова, – девушка продолжала смотреть ему прямо в глаза.

– Ну что ж, отлично, – он помолчал три секунды и скороговоркой задал следующий вопрос: – Что бы вы хотели обмануть? а) жизнь; б) смерть.

– Жизнь! – вскрикнула Катрина и тут же вздрогнув, отшатнулась. От неожиданности девушка даже закрыла глаза. Напугал ее не столько ее ответ, сколько вопрос. Катрина ждала вопрос совсем в ином русле, но уж никак не думала, что с ней будут флиртовать вопросами жизни и смерти. Но самое главное, что когда Ричи задавал вопрос его тон вновь сменился на холодный и жесткий. А когда девушка открыла глаза, то увидела, что на нее вновь устремлен холодный и пронизывающий взгляд его серых глаз. Опять резкая перемена в этом странном парне произошла в одно мгновение, и Катрине снова стало не по себе.

– Это не смешно Ричи, – произнесла она серьезно, с усилием глядя ему в лицо.

– Никто и не смеется, Катрина, – парень больше не старался выглядеть добрым, нежным и дружелюбным.

Несколько секунд они смотрели друг на друга в упор. Ричи, видя, что девушка не отступает, первым отвел взгляд и произнес:

– Под конец разговора я вас разочаровал, не так ли?

– Да, есть немного.

Парень несколько раз кивнул головой, при этом на лице его вырисовывалась неприятная, язвительная ухмылка.

– Вот и славно! – резко сказал он и направился к выходу, но, не дойдя до него три шага, остановился и, повернувшись к девушке, заговорил тем же холодным тоном: – Катрина, мы могли бы сходить куда-нибудь и: а) я бы вам понравился; б) я бы вас разочаровал; мы могли бы встретиться во второй раз: а) вы бы стали смотреть на меня как на потенциального спутника жизни; б) я бы вас разочаровал; мы бы переспали: а) вам бы понравилось; б) я бы вас разочаровал; мы стали бы встречаться: а) вы бы мечтали выйти за меня замуж; б) я бы вас разочаровал; мы бы поженились: а) вы любили бы меня горячо и преданно; б) я бы вас разочаровал. Катрина... если бы я полюбил вас... а) я бы вас разочаровал...

Ричи в упор смотрел на девушку.

– Зачем вы это говорите? – спросила Катрина, внимательно глядя в ответ.

– Потому что вы мне очень понравились. Очень понравились, Катрина.

Девушка молчала, оба не спускали друг с друга глаз.

– Катрина... – сказал парень, спустя несколько секунд. – Когда искренне и страстно любишь человека – он начинает бояться.

Ричи повернулся и ушел. Выходя, он случайно зацепился полкой плаща за угол одного из стеллажей.

Минут пять девушка продолжала смотреть на выход из своего павильона, обдумывая то, что с ней произошло. Пыталась понять, что же имел в виду этот парень и какое же окончательное впечатление он произвел на нее. Да, он был невероятно обаятельный, он был внешне

красив, но было в нем что-то зловещее. Хотя... может это девушка неправильно расценила и интонации в его голосе, и выражение во взгляде, может он вкладывал в них один смысл, а Катрина воспринимала все иначе. Но этот холод во взгляде и в голосе Катрина не просто видела и слышала, она чувствовала их душой и прекрасно это понимала. Тут взгляд ее скользнул по полу и остановился на маленьком черном предмете. Приглядевшись, она поняла, что это пуговица, которая оторвалась от плаща Ричи, когда он выходил. Девушка подошла и подняла ее, думая о том вернется ли парень или нет, и хочет ли она увидеть его снова или нет? Катрина пришла к выводу, что если и хочет, то уж точно не сегодня. Она села за стол и положила пуговицу в ящик стола, и вновь в голове ее возник образ мужа – с серьезным и, как казалось Катрине, осуждающим выражением лица, и непонятное ощущение виновности заиграло в глубине ее души.

Катрина откинулась на спинку стула и закрыла лицо руками. Тут она почувствовала себя невероятно уставшей, голова немного побаливала, и ей захотелось прилечь. Было только четыре часа, и девушка заварила кофе, в надежде, что он ее взбодрит. Чтобы сэкономить силы и энергию Катрина решила сегодня стараться больше не думать ни о Ричи, ни о Лине, ни о чем-либо другом, что начинало бередить ее уставший мозг. Хотя и понимала, что выбросить из головы события этого дня у нее не получится. Также она четко понимала и чувствовала, что необъяснимое чувство тревоги и беспокойства, которое неотступно сопровождало ее с раннего утра – исчезло прочь, только она увидела этого странного молодого человека. Исчезло и больше не беспокоило.

За пуговицей Ричи не вернулся.

...Лежа в горячей ванне в конце дня, Катрина вновь вспомнила его вопрос, который так ее напугал. Вопрос о том, что бы она хотела обмануть – жизнь или смерть. Сейчас в расслабленном и более спокойном состоянии ее удивляло, почему этот вопрос произвел на нее такое впечатление. Удивляло, ибо как казалось девушке, вопрос этот сам по себе не имел контекста – обмануть ни жизнь, ни смерть невозможно... как ни старайся – а конец один и тот же. Но... Ричи сказал, что твердо знает, какой вопрос он хочет задать – значит, и смысл он в него вкладывал. Почему жизнь?..

«Да пошло оно все на хрен! – мысленно воскликнула девушка, – Господи, не хватало мне еще ломать голову о каких-то вопросах жизни и смерти... все, спать, хватит на сегодня головоломок и полоскания мозгов. В конце концов – я не виновата, что вокруг меня одни психи. А кто виноват?»

Сидя на кровати, перед тем как лечь, Катрина впервые за вечер обратилась к мужу:

– Да, милый, все неправильно... Я опять чувствую, что все неправильно, все идет не так как надо. Тяжелый день, я очень устала, нервы мои расстроены... принес бы ты мне чая, – девушка улыбнулась фотографии в рамке. – Я думаю мне нужен отдых, нужно съездить за город, сменить обстановку хоть на пару дней, сбежать от всех мыслей. У меня ощущение, что все эти мысли, усиленные моим природным идиотским даром заострять внимание на пустяках и ненужных мелочах держат меня в плену. Да, такая вот моральная тюрьма, которую я, сама того не осознавая, для себя создаю. Наверное, не только одна я, думаю у каждого человека есть такая тюрьма... попадаешь в нее за что-то мелкое и несущественное, так, легкое преступление перед собственной душой, а потом... серьезней и серьезней, и вот сам того не замечая становишься рецидивистом, и условия содержания под стражей все более суровые и суровые. И вот наступает момент, когда ты думаешь, что ты уже опытный преступник и на этот раз все пройдет гладко и чисто. Но это только в планах – на самом же деле все с треском проваливается, и все. Суд и пожизненное. Пожизненное в клетке собственной души, наедине со всеми своими страхами и воспоминаниями, наедине с преступлениями самого себя против самого себя. Да... а ведь бывает и не пожизненное, а смертная казнь. Да, милый, у каждого есть свой ад. Каждый в своем аду.

Катрина замолчала глядя на фотографию мужа, и по щеке потекла слеза.

– Ну вот, – девушка засмеялась, вытирая слезу, – опять раззадорила себя всякой чушью... ну, может, хоть ты посмеялся. Ладно, хватит с меня сегодня этого сегодня. Я люблю тебя.

Катрина поцеловала фотографию и легла в постель.

– Спокойной ночи.

Девушка уже была в состоянии граничащем с погружением в сон – мысли смешивались и убегали, веки сомкнулись, еще секунду и она бы крепко уснула, но вдруг...

– *Спокойной ночи.*

Голос похожий на скрежет стали, холодный и невероятно сильный прозвучал как гром среди ясного неба и эхом отозвался от стен спальни. Катрина подпрыгнула на кровати, затем села и, обхватив колени руками, тревожно озиралась по сторонам. Она ясно понимала, что она услышала этот голос, что он был не во сне, а наяву, но не понимала как такое возможно. Девушка потянулась к выключателю ночника, испытывая при этом страх, что сейчас кто-то или что-то схватит ее за руку. Но когда тусклый свет осветил комнату, ничего и никого, кто бы мог это сделать, она не увидела. Мороз пробежал по ее коже, сердце бешено колотилось, и на лбу выступила испарина; девушка тяжело дышала и боялась закрыть глаза. Катрина могла бы списать это на усталость и сонное наваждение, как бывает, когда засыпая, кажется что слышал некий шорох или возглас... но не в этот раз. Девушка могла поклясться чем угодно, что это была не слуховая галлюцинация – этот голос... никогда прежде она не слышала такой силы тембра и интонации, в одно мгновение перевернувшей ее душу. Она чувствовала невероятный страх, ей хотелось умыться и выпить воды, но она боялась встать с постели. Только спустя несколько минут к ней вернулась способность размышлять: «твою мать, я слышу голоса... все, это конец. Я рехнулась... я сумасшедшая, я сошла с ума, я слышу голоса. Как это возможно, как? Что за бред, никого нет, а голос был. Никого нет, а голос был. Значит он в моей голове, значит, я сошла с ума. Погоди, погоди родная... день был просто ужасный, день был невероятно тяжелый и эмоциональный, разумеется, это не могло не отразиться на нервной системе. Пони-маешь, дорогая, это просто стресс. Да, голос мог прозвучать, но это не значит, что ты сошла с ума. Сейчас же он молчит, не ведет с тобой беседу... так что, возьми себя в руки, ты очень напугана и вполне обоснованно. Но это просто небольшой нервный выплеск, просто последствие трудного дня, а сумасшествие тут не причем, завтра утром проснемся, и все забудется. Так что сходи выпей воды и ложись спать». Мало-помалу Катрина успокоилась и все-таки сходила на кухню, голос здравого смысла преобладал над страхом, и убедил девушку в справедливости собственных доводов, но ночник девушка все же оставила включенным. А когда вновь легла в постель то невольно ощутила, что стены спальни все еще хранят этот зловещий голос. Она приоткрыла глаза и взглянула на фото мужа.

– Что-то со мной не так, дорогой, что-то не так... что?

Усталость снова стала брать верх и девушка чувствовала, что погружается в нездоровый сон.

– *Все!*

Катрина просто взлетела с кровати и бросилась к выключателю, чтобы зажечь люстру, но запутавшись в одеяле, упала. Ей казалось, что она барахталась в нем как минимум минут десять, пока все же не откинула его и не достигла стены. Прекрасно помня, где находится выключатель, она в судорогах шарила рукой по стене, но чертова кнопка все не попадалась. Паника в девушке нарастала в геометрической прогрессии, страх затмил все чувства и готов был разорвать ее на части. Выключатель, наконец, нашелся, яркий свет ударил в глаза, девушка зажмурилась и, не устояв на ногах, вновь упала. Борясь со светом, который нисколько не добавлял уверенности, она отползла в угол и забилась в него как загнанный зверь, обхватив ноги руками. Она хотела закричать, но из горла лишь вырвался сдавленный хрип.

– Какого хрена! Кто здесь?!

Катрина дрожала всем телом, зубы стучали как при сильном морозе, она не чувствовала ничего кроме невероятного страха и вибрации стен, порожденной этим громовым возгласом, словно два куска железа резко оцарапали друг о друга. Даже если бы она понимала, что вопрос адресовать некому, она все равно задала бы его, так как разум перестал ей служить, сраженный обуявшим ее страхом.

– Кто здесь? – повторила она, бегая взглядом по стенам спальни, но ответа не последовало. Первая мысль, которая прорвалась сквозь страх в мозг девушки – немедленно покинуть квартиру, просто убежать отсюда куда глаза глядят, но опять же, она не могла даже пошевелиться от ужаса, который испытывала.

– Сумасшедшая, – прошептала она. – Все... приехали.

– *Ага. Но не спеши,* – прогремело в спальне.

Катрина с силой сжала ладонями голову.

– Кто это? Кто здесь? – кричала девушка, не помня себя от ужаса, заметив при этом насмешку в последних ей адресованных словах.

– *Во-первых, не кричи и успокойся.*

Катрину затрясло и ей показалось, что она теряет сознание, но через секунду дрожь прошла, а крик готовый было вырваться наружу, застрял в горле. Часто и судорожно дыша, девушка проглотила комок в горле и с ужасом поняла, что она повиновалась. Она смотрела в пространство перед собой, но ей казалось, что она ничего не видит, она боялась пошевелиться, но чувствовала, что даже если бы решилась на это, ничего бы не вышло – ноги и руки онемели от ужаса.

– *Вот хорошо. И не бойся.*

Голос перестал раздаваться раскатами грома, он стал негромким, но сила и ощущение твердости стали в нем, никуда не делись. Даже наоборот, став тише он стал еще сильнее, словно громкость перешла в силу внушения, которую Катрина явно чувствовала, и понимала, что этот голос ей приказывает, а не просит, и противится ему, у нее нет ни сил, ни способности. Девушка заметила, что к ней возвращается способность мыслить, дыхание выравнивается, хоть и остается учащенным и самое интересное – уходит этот животный страх.

– Я сошла с ума? – спросила девушка, как только обрела способность говорить.

– *Нет. Ты не сошла с ума.*

И тут Катрина заметила, что этот голос идет не из пространства в голову. С ужасом она поняла, что происходит совсем наоборот: голос, рождаясь в ее голове, волной вырывался наружу – это открытие заставило девушку съежиться в своем углу и ощутить прилив новой волны ужаса.

– Я слышу тебя в голове, значит я псих.

– *Все происходит в голове, все рождается и умирает в твоей голове. Большие нет ничего.*

Прежде чем делать выводы касательно сумасшествия, задумайся о наличии ума.

– Кто со мной говорит? – девушка ощутила, что способна, наконец, держать себя в руках.

– *На этот вопрос я бы тоже хотел знать ответ,* – прозвучало с усмешкой.

– Что тебе нужно?

– *Поговорить.*

– О чем?

– *О тебе.*

– Разговор этот заканчивается прямо сейчас, – дрожащим голосом сказала Катрина и тут же почувствовала, что никакой убедительности ее слова не несут. – Я не сумасшедшая... это просто...

– *Я и не говорил, что ты сумасшедшая. Как раз наоборот, если ты помнишь,* – насмешливо перебил голос.

– Ты говоришь из моей головы. Это признак шизофрении, – Катрина сжала голову руками, – мне нужно к врачу.

– *Да что ты...* — голос засмеялся, – *ну давай, тогда говорить придется не со мной, а с другими, с сотней других милых голосов, которые поселятся в твоей дурной головешке. Да Катрина, милые врачи и прекрасные препараты заставят тебя почувствовать всю прелесть сумасшествия.*

– Мне нужна помощь, я тебя не контролирую, – простонала девушка.

– *Ты не псих,* – рявкнул голос, заставив Катрину вздрогнуть и поднять глаза. – *У сумасшедшего никогда не возникает сомнения в своей адекватности, запомни это, он пытается доказать, что он нормальный. Сумасшедший на твоем месте уже давно вел бы со мной оживленную беседу, считая, что говорит с самим Господом, даже предложил бы чаю... в отличие от тебя. Псих не сидел бы в одной ночной рубашке в углу и не кусал бы кулаки. Он был бы рад говорить со мной. Другое дело, что я бы с ним не разговаривал. Я не разговариваю с сумасшедшими. Какой с них спрос?*

Катрина вновь ощутила колоссальную силу внушения звучащую в этом голосе. Она молча призывала бога и всех святых на помощь, просила у них сил противиться искушению отвечать этому «нечто», молилась чтобы этот кошмар закончился так же внезапно как начался, просила проснуться и ничего не помнить, умоляла бога заткнуть рот ее собственному мозгу. Но с отчаянием понимала, что все это безрезультатно. Понимала не потому, что голос не уходил, а потому что каким-то непонятным образом знала, что голос не уйдет, и отчаяние ее от этого усиливалось. Более того, она понимала, что не может противиться силе его внушения.

И только она об этом подумала, голос этот прочитал ее мысли и сказал:

– *Если ты перестанешь нервничать, перестанешь считать себя сумасшедшей и перестанешь бояться – я перестану тебе приказывать. Я вообще не вправе тебе приказывать, я могу лишь просить. Но пока ты не успокоишься и не начнешь говорить со мной на равных, мы не сможем прийти ни к чему хорошему. Поняла?*

– Кто бы ты ни был, – Катрина замотала головой, – пошел на хрен из моей головы, чертов ублюдок! Никаких разговоров между нами не будет, я этого не хочу, и этого не будет.

И тут девушка заметила, что она, действительно, может найти в себе силы быть совершенно спокойной, и даже не бояться. Она чувствовала, что способна твердо оценивать ситуацию – насколько это вообще было возможно; может руководствоваться своим разумом – если от него хоть что-то осталось; может говорить на равных с этим голосом – если только это действительно было в ее власти. К ней начали возвращаться силы и уверенность, и девушка попробовала аккуратно встать на ноги.

– *Будут, Катрина, будут...* – в то время слышала она, – *будут, и ты прекрасно это знаешь. Будут, потому что ты этого хочешь, но боишься в этом признаться. А теперь – спокойной ночи.*

И только Катрина встала на ноги, голова ее закружилась, ноги подкосились, и она без сил опустилась на пол, на одеяло, вместе с которым она слетела с кровати, и сознание покинуло ее.

Катрина проснулась от дикой головной боли. Она лежала на полу, на скомканном одеяле, мокрая от пота. В первый момент она ничего не поняла, села и, схватив голову руками, попыталась сквозь дикую боль восстановить события минувшей ночи. И вспомнила... вспомнила ужасный голос, и вздрогнула. Вспомнила весь разговор до мельчайших подробностей, а вспоминая, уверяла себя, что все это ей приснилось.

«Иначе и быть не может, – думала девушка, – что еще за бред? Господи, как же, видимо, я была вчера вымотана, если мне такое привиделось и услышалось. Все, дорогая, надо брать ситуацию под контроль и серьезно задуматься о своих нервах. Это ведь был сигнал, настоящий сигнал о том, что я теряю над собой контроль. А что, если? Что если не привиделось? Что если

все это было на самом деле? Нет. Нет и еще раз нет... – пыталась она прогнать эти мысли. – Где же он тогда сейчас? Его нет».

Катрина прищурилась и осторожно огляделась по сторонам.

– Эй... – тихо позвала она. Ответа не было, девушка подождала минуту, напряженно прислушиваясь, и повторила: – Эй, ты здесь?

Она продолжала настороженно прислушиваться, чувствуя, как ее начинает охватывать радость и покой, несмотря на ужасную боль в голове. Тишину в комнате нарушало только дыхание Катрины, никаких голосов или даже их предвестников заметно не было. Девушка улыбнулась и, закрыв лицо руками, засмеялась. Она смеялась над самой собой, с немалой долей сожаления к самой себе, смеялась над собственным больным воображением и собственным страхом, который она испытала минувшей ночью благодаря своей воспаленной фантазии. Затем девушка резко выдохнула и встала. Первым делом, она приняла сразу две таблетки обезболивающего, после чего принялась приводить в порядок постель. Только тут Катрина вспомнила о работе, и, взглянув на часы, обнаружила, что уже начало одиннадцатого, а магазин она открывает в девять. Решение пропустить сегодня один день пришло быстро и казалось вполне адекватным. Катрина прилегла на кровать, чувствуя, как отступает боль и как хорошее настроение неотвратимо охватывает ее душу, несмотря на все тревожнения. Полежав минут пять, Катрина прошла на кухню, но тут же вернулась и, нагнувшись поцеловала фотографию мужа.

– Доброе утро, милый.

Вновь вернулась на кухню и сделала себе кофе. Катрина распахнула окно в надежде, что свежий воздух разгонит последние тени ее волнений, но на улице в этот день стояла духота, и дело шло к дождю. Задумавшись, что предпринять и как развеять себя в сегодняшний день, девушка поняла, что и забыла, что такое развлечения и как развлекаться. Прогулка под дождем в ее планы не входила, но оставаться дома тоже не хотелось. Не допив кофе, она налила себе бокал вина и выпила двумя большими глотками, после чего отправилась в душ.

Стоя под горячими струями, Катрина представляла, как вода смывает с нее негатив, освобождая от чего-то тяжелого и, возможно, даже разрушительного. Очень нехотя, и даже через силу своего разума девушка решила признаться в самой вероятной причине ее вчерашнего расстройства. Она признала, что причиной этому был парень по имени Ричи и ее подсознательное и абсолютно необоснованное чувство вины перед мужем. Катрина не понимала, откуда взялось это чувство вины, но помнила, что проявляться оно начало еще во время разговора с парнем; в лице ее мужа, неотступно являвшегося ее воображению. Катрина задумалась над тем, если бы ее муж был жив, можно было бы расценивать вчерашнюю сцену с Ричи как повод к ревности. Сознательно нет, потому что на самом деле, это был просто безобидный разговор, может с легкой долей флирта, но и над этим еще стоило подумать. В конце концов, даже когда девушке показалось, что ее хотят куда-то пригласить, она прервала парня и заранее оборвала этот разговор, сказав «нет». Вот именно... откуда-то из глубины души проступило прозрение, которого боялся разум Катрины. Ей показалось, что ее хотят пригласить. Ричи был прав – подсознательно ей хотелось, чтобы он позвал ее после работы выпить кофе. Но опять же, хоть Катрина и признала, что ей этого хотелось, в то же время она чувствовала, что вряд ли бы согласилась. То есть... выходило, что симпатия к парню была, но дать ей волю, Катрина бы не осмелилась.

Девушка выключила воду и удивленно улыбаясь, покачала головой, поражаясь собственным признаниям и мыслям. «Да тут и не мудрено с ума сойти» – подумала она. Катрина вышла из ванны и подумала о том, что хорошо бы выпить еще...

– Доброе утро!

Катрина вздрогнула от неожиданности и попятилась к стене, в один момент в ее душе все перевернулось и упало. Страх волной начал подниматься глубоко в душе, но уже в следующее

мгновение стал затихать, и девушка поняла, что не боится, а просто тихо поражается. В один момент она поняла, что была готова к такому исходу, а может даже ждала его.

– Мать твою... – протянула она, опираясь спиной о стену. – Все-таки – это правда.

– Ахаха! Вот уж позабывала! Эффектно я появился, не правда ли?! Круто, правда, ты думала, что этого уже не будет, а я – вот он! Вот он я!

Голос звучал бодро, весело и крайне издевательски, но Катрина поняла: какую бы интонацию он ни приобрел – от детского плаксивого всхлипывания до агрессивного повышенного тона, сила и стальной оттенок его никогда не покидают.

– Пошел ты на хрен, – простонала Катрина.

– Нет! Не пойду. Я останусь с тобой, мне нравится с тобой, я так давно мечтал о том, как мы будем с тобой разговаривать по душам... Черт, сколько же нам нужно друг другу рассказать. Во многом нужно признаться, особенно тебе... Проклятье, как же я счастлив, что мы можем теперь общаться, вот так запросто – ты и я, и больше никого. Это потрясающе. Это нужно отметить, да, ты ведь как раз собиралась выпить, когда я тебя перебил. Давай же, давай выпьем вина...

Катрина не двигалась с места. Ей не было страшно. Вместо страха было лишь раздражение, порождаемое наглым, издевательским и насмешливым голосом исходившим из ее головы.

– Ну же, Катрина! Ну, что ты застряла на месте, будто черта увидела. Ахаха! Ну, давай выпьем, ты даже не представляешь, какое для меня будет удовольствие... да что там удовольствие, честь! Для меня будет честью пропустить стаканчик-другой в твоём обществе. Прошу тебя, не лишай меня этого счастья.

– Ты не думаешь, что с моей стороны будет крайне лицемерно – пить и разговаривать с тем, кто мне отвратителен, – к своему удивлению девушка заметила, что может отвечать этому голосу уверенным тоном, под стать ему же.

– Я это исправлю, – смиренно залепетал голос в ответ. – Обещаю тебя не раздражать и не расстраивать, если ты не будешь от меня отворачиваться. Просто ты не понимаешь, что для меня значит вот так с тобой общаться. Сколько лет мы знаем друг друга, и вот наступил этот миг. Прошу, давай выпьем, просто момент не будет полным, если мы не выпьем... ну, ведь так же принято – после долгих расставаний и разлук следует выпить. А у нас вообще отдельный случай – мы в первый раз в жизни разговариваем.

Катрина закрыла лицо руками.

– Ну же, Катрина, не стоит из-за меня противоречить собственным желаниям, – интонация начала слегка заметно меняться в более жесткую сторону.

Следуя странному посылу разума, однако, вполне осознанно, Катрина прошла в кухню и налила себе второй за сегодня бокал вина.

– Да-да-да! – подначивал ее голос, – еще немного, ну еще пару капель... ну ладно, и так сойдет – лучше, чем ничего.

Девушка прошла в спальню и села в кресло.

– Скажи тост.

– Пошел на хрен! – ответила Катрина, стараясь быть жесткой, и у нее это вполне получилось. – Тебя нет!

– Ладно, тогда я скажу тост, – весело сказал голос, словно пропустив последние, адресованные ему, слова, и торжественно заговорил: – Итак, так как я никогда с тобой не разговаривал, то не обессудь, если мое красноречие оставляет желать лучшего, в конце концов, ты сама в этом виновата. Тост у меня очень простой...

Не обращая внимания на то, что она слышала, Катрина сделала большой глоток, но голос сделал вид, что не заметил столь оскорбительного поступка прерывавшего его на полуслове и продолжал:

– ...Простой, но очень емкий. Давай выпьем за истинную дружбу и взаимопонимание! – он сделал паузу, словно ждал похвалы для своих слов, а не дождавшись вновь заговорил, сменив торжественный тон на смиренный: – Ты не злишь на меня, подруга, за то, что я вчера тебя немного напугал, но ты бы испугалась в любом случае. Но теперь я вижу, что ты не боишься и я искренне тобой восхищаюсь, но по-другому и быть не могло... как можно бояться, когда чувствуешь рядом того на кого можно положиться и кто готов прийти на помощь. Конечно, это я про себя. И я докажу тебе свою преданность не словом, а делом. Да, Катрина, ты поймешь, что ближе и роднее, чем я, у тебя никого не было и быть не может. Сейчас ты просто мне еще не доверяешь, но поверь, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы это изменить.

Катрина молча сидела с бокалом вина в правой руке, и смотрела на экран выключенного телевизора, в отражении которого видела свой силуэт. Видела как человека со стороны, и понимала, что этот человек сейчас слышит голос – голос, исходящий из его головы, слышит так же, как если бы кто-то сидел рядом и говорил. Видела человека, который явно сходил с ума. Голос помолчал с минуту и продолжил, приняв на этот раз интонацию доброты и нежности, что у него без труда получилось.

– Повторяю еще раз – ты не сумасшедшая. Вспомни то, что я говорил тебе вчера о сумасшедших, вспомни и сравни себя с ними. Вот именно – ничего общего. Катрина... давай поговорим. О чем бы ты хотела со мной поговорить? Можешь спрашивать абсолютно все, все что захочешь. Никаких барьеров в общении. Ну, скажи... ну разве встречала ты в жизни хоть одного человека, с которым могла бы говорить абсолютно все, все что только придет тебе на ум? Человека, у которого ты могла бы спросить что угодно, и он бы без твоего сомнения ответил тебе. Встречала ли ты человека, который готов выложить тебе абсолютно все? Все – только спроси, и готов бесконечно выслушивать тебя. Да Катрина, именно слушать, хоть ночи напролет. Слушать не равнодушно, а с искренним участием. А? Встречала ли ты человека, который не имеет от тебя ни одного секрета, ни одного маломальского секретика? Человека, который готов не судить тебя, а понимать. Готов быть надеждой и опорой во всем. Во всем! В каждом шаге, который бы ты не предприняла. Человека, который любит тебя любой – чистой и грязной, худой и толстой, умной и глупой, веселой и плачущей, ухоженной и с небритыми ногами? Встречала ты такого человека? Катрина, ну ответь мне... Человека, который попытается тебя оправдать, если ты будешь заслуживать оправдания и укажет на ошибки, которые нужно исправить, и подскажет, как их исправить. Человека, который никогда, слышишь, никогда тебя не бросит и не оставит на произвол. Катрина, милая, ответь мне.

Катрина вторым большим глотком допила вино и поставила бокал на журнальный столик, продолжая рассматривать себя в отражении экрана.

– Не хочешь отвечать... – продолжил голос через полминуты, вновь сменив интонацию, и теперь звучал глубоко разочарованно. Катрина отметила про себя, что все интонации удаются ему с невероятной легкостью и несут потрясающую искренность и артистичность, но не театральную артистичность, а типично жизненную, которую приятно воспринимать на слух. – Мне очень жаль. Хотя нет... не то, чтобы жаль, ведь я прекрасно знаю ответ, который бы ты дала, если бы была искренней. Да и не ждал, что ты признаешь во мне все эти качества. Но я действительно этот человек, можешь не верить, но это так. Я единственный, на кого ты можешь рассчитывать, не боясь быть обманутой. Да, Катрина, так и есть. Я, и только я – тот, кто тебе сможет помочь и не попросит взамен ничего, кроме дружбы. И если наша дружба примет двусторонний характер, твоя жизнь изменится и многое, о чем ты не подозревала, всплывет на поверхность, многое, что казалось тебе сложным и непонятным, станет прозрачно простым, многое, чего ты боялась, станет безобидным. Очень многое, что было скрыто завесой тайны, откроется тебе. Да, Катрина, наша дружба сослужит тебе огромную пользу, но как я уже сказал, дружба должна быть двусторонней. Ты готова быть

моим другом, Катрина? Все молчишь? В отличие от многих, я не пытаюсь навязать тебе дружбу, я просто предлагаю тебе честную и бескорыстную дружбу, и уверяю тебя – я отличный друг, Катрина. Я лучший из всех возможных друзей. Я – твой лучший и настоящий друг, – вновь с последними словами выражение голоса начало медленно склоняться в более жесткую сторону.

Катрина вскочила и бросилась к музыкальному центру. Схватив диск группы «Metallica», она вставила его в проигрыватель и включила на полную громкость. Когда заиграла музыка, голос вдруг отступил, на что девушка сильно и не рассчитывала. Вот композиция закончилась, и голос не возвращался, и хоть Катрину не сильно обрадовала перспектива целый день слушать тяжелую и громкую музыку, она была готова и к этому, только бы избавить себя от этой компании.

Радость длилась недолго. Когда заиграла следующая песня, буквально на третьей строке пространство спальни взорвалось просто нечеловеческим вокалом, который перекрикивал и вокалиста и аккомпанемент – настолько сильным и агрессивным, что, несомненно, сам Джеймс Хэтфилд позавидовал бы. Взрываясь в голове девушки, он вырывался наружу и заставлял дрожать стекла и вибрировать стены и пол. Катрина рванулась обратно к центру, чтобы выключить музыку, но вдруг остановилась и вслушалась в то, о чем пелось в песне, и что подхватил голос:

– *So tear me open, pour me out
There's things inside that scream and shout,
And the pain still hates me
So hold me until it sleeps.*¹

Катрина вышла из оцепенения и выключила музыку.

– Нет-нет-нет, – завопил издевательски голос. – Зачем ты выключила? Отличная песня, включи обратно. Ну? Ну что ты за человек? Черт! Ты специально ее выбрала, а? Пока оно не уснет, да? Ты подсознательно схватила этот диск, знала, что там эта песня, как же в темноту, а? Давай послушаем еще раз, а?

– Я схватила первый попавшийся диск, – закричала Катрина и, схватившись за голову, вновь опустилась в кресло.

– Ну, не важно, главное – под ситуацию, да? Интересно, что имеется в виду? О чем эта песня? Ты ведь не впервые ее слышишь? Да и не важно! Интерпретировать можно по-разному, главное, что слова из этих строк сейчас подходят тебе как нельзя близко, правда? Катрина, правда? Держите меня, пока оно не уснет, а? А если не уснет, Катрина? Что тогда? Катрина? Где ты была раньше? Все! Проснулось! Поздно.

– Кто ты? – спросила девушка, поднимая взгляд.

– Я же уже говорил, – голос продолжал звучать издевательски, – на этот вопрос должна ответить ты. Подумай, Катрина, подумай...

Девушка опустила взгляд и тяжело задышала. В горле ее встал комок, рожденный страшной мыслью, которую она силилась прогнать, отказывалась верить в нее и не могла допустить, чтобы это было правдой. Понимая это, она все же, пересилив себя, произнесла медленно и сдавленным голосом:

– Нет, ты не он... не он. Я помню его голос – он был нежный и добрый, он никогда со мной так не разговаривал, он никогда не причинял бы мне боли. Он никогда не пугал бы меня, никогда, даже в шутку.

– Это ты о ком? – издевательски спросил голос.

– Нет, ты не можешь быть им, ни при каких обстоятельствах...

¹ Так разорви меня и выплесни наружу все то, что визжит и кричит внутри меня. И эта боль по-прежнему ненавидит меня, так что держите меня, пока оно не уснет.

– Да о ком же ты?

– Ты не Пьер, – сказала Катрина, преодолев неимоверное сопротивление воли, с надеждой в голосе.

– Кто? – с презрением переспросил голос. – Ахаха! Ну ты даешь, как ты могла подумать такую чушь?! Этот неудачник, твой муженек? Ахаха!

От гнева у Катрины вздулись вены на шее. Она вскочила, схватила бокал и швырнула его о стену. Звук разбитого стекла заставил голос замолчать.

– Сука, если еще раз ты скажешь что-то подобное про моего мужа, – Катрина не кричала, но сама удивилась силе своего голоса, – я клянусь, я заставлю тебя замолчать, и способ этот тебе явно не понравится, это я гарантирую.

– Ого! – проговорил голос негромко и с изумлением. – Вот это да, я даже не ожидал. Ладно, на самом деле я сказал не подумав, правда. Просто вырвалось как-то само собой. Но поверь, – голос заговорил с оправданием, – я так не думаю, нет. Просто вдруг захотелось тебя уколоть немного, но я явно выбрал не тот метод, черт. Прости меня, я чертовски виноват, я не имел права так говорить, поэтому прости. А? Мир? Ну что ты, Катрина, не будем ссориться...

Катрина вновь опустилась в кресло, дрожа от злости, и сжав с силой подлокотник, она повторила вопрос:

– Кто ты?

– Ну что ты заладила? Кто, кто? Пойми, что это ты должна решать.

– Ты – зло? – девушка прищурилась.

– Возможно... – загадочно прозвучало в ответ, спустя пять секунд.

– Ты – оно?

– Не понял.

– Если ты воплощение зла, значит ты оно.

– Я же не сказал, что я зло, я предоставил выбор тебе, тебе решать – добро я или зло. А обращаться можешь как угодно – он, она, оно... мне не важно. Просто ты начала обращаться ко мне, как к мужчине, поэтому я уже к этому привык... да и ты, наверное, тоже.

Катрина покачала головой. Тут она заметила, что, несмотря на все непонимание и ужас происходящего, она чувствует в себе прилив сил – и моральных и физических, чувствует себя уверенной и способной на смелые шаги. Спустя минуту она резко встала и стала быстро натягивать на себя джинсы и свитер.

Голос завопил с радостью:

– Да! Да-да-да, идем гулять. Нечего сидеть в этих стенах, пойдем в свет! И дождь нам не страшен, ничто нам не страшно, когда мы вместе. О! Как же я счастлив, мы идем гулять – небо, деревья, свежий воздух.

Катрина наскоро причесалась и, накинув легкий плащ салатного цвета, вышла из квартиры, чувствуя острую необходимость в открытом пространстве и в обществе людей – хоть и пассивном, но все же в обществе.

Голос продолжал радостно верещать:

– Ты отлично выглядишь, все в порядке. Кстати, тебе совсем не обязательно обращаться ко мне вслух, просто подумай, что говоришь со мной... я пойму. А то еще чего доброго тебя не поймут окружающие. А они не поймут, им не понять, что такое настоящая дружба, доверие и взаимопонимание.

Катрина несколько не удивилась тому, что говорить вслух не обязательно – это было понятно сразу. Выйдя на улицу, она прошла мимо своей машины и направилась в сторону сквера, через который проходила два дня назад.

– Да, не нужна машина, – продолжал лепетать голос, – так пройдемся, подышим, кости разомнем, дождя еще нет, а начнется так и не страшно. Может, в бар зайдём, выпьем, а может и напьемся! Сколько ты уже не позволяла себе больше двух бокалов вина, а? Два года? Твою мать, да что же это такое? Не позволять себе расслабиться – нет, это уже чересчур. Иногда надо хватить лишнего – это полезно, конечно, если это происходит не слишком часто. Алкоголь перезагружает мозги, да. Иногда нужно напиваться, нет, не напиваться, но входить в хмель – вот так правильно.

Голос помолчал и вдруг вновь заговорил с презрением:

– Ну что, Катрина, когда начнем общаться в двустороннем режиме, а? Ну спроси что-нибудь, что угодно, и я отвечу. Правда, отвечу... я ведь не твой муженек, до которого хрен докричишься...

Катрина застряла перед пешеходным переходом на другую сторону улицы. Она подождала, думая, что голос вновь начнет извиняться, но тот молчал. Она перешла дорогу, чувствуя, что в ней нарастает гнев, и голос заговорил с тем же презрением:

– Ну что? Чего ты злишься? Ты сама вынуждаешь меня на подобные слова.

– Я ведь тебя предупреждала, – по привычке вслух ответила девушка и оглянулась по сторонам, опасаясь, не заметили ли этого прохожие, однако смущения она не почувствовала.

– Предупреждала, и что? – голос зазвучал настолько отвратительно, что Катрину затошнило. – Ну, что ты сделаешь? Ну, скажи, что ты способна сделать, чтобы заткнуть мне рот. А, Катрина? Что же ты сможешь сделать для этого?

Катрина с отвращением отметила, что к такому повороту она не была готова; ей казалось, что она способна держать ситуацию в рамках некоторого контроля. И только сейчас, она ясно поняла, что голос позволяет ей так считать, когда ему это выгодно, но ни о каком контроле, речи и быть не может. Если кто кого и контролирует, то он ее, а не наоборот. Но странно – страха она не испытывала, она испытывала отвращение и злость, бесполезную злость, и этот факт неизбежно пришлось принять. И да, девушка с болью и разочарованием осознала, что сделать она не может ничего; по крайней мере, на данном этапе ей было нечего противопоставить этому голосу.

Тем временем она вошла в парк и присела на ближайшую лавку. Да, она продолжала чувствовать в себе прилив сил, но насчет ее мышления этого сказать было нельзя. Мысли ее носились в голове как сухие листья под силой ветра, и с большим трудом концентрировались. Вопросы, нуждающиеся в ответах, ни на шаг к ним не приближались, а ненужные и фоновые образы в ее голове, связанные с тем, о чем девушка вовсе не старалась задуматься, менялись как калейдоскоп, сбивая ее с пути размышлений. Все сводилось к голосу, который она слышала, но который никак не могла объяснить, кроме как помешательством. Кроме того, Катрина с отчаянием понимала, что неотвратимо, с каждой минутой, с каждым новым монологом, она принимает этот голос. С каждой минутой в ней неумолимо нарастает странное ощущение, что она слышала его всю свою жизнь, что он был с ней с самого рождения. Девушка понимала, что это не так, что он сопровождает ее около двенадцати часов, и с тем же отчаянием осознала, что если так и будет продолжаться, то это убеждение рано или поздно возьмет верх – настолько липко и неумолимо оно впечатывалось в голову девушки. Осознание фатализма этого голоса было одной единственной яркой, четкой и стопроцентно утвержденной мыслью в ее мозгу, от которой она старалась избавиться, но та от этого только укреплялась и пускала корни глубже и глубже в сознание девушки.

– Катрина, – голос продолжал издеваться, девушка это чувствовала, – я заметил в твоей квартире одну странную деталь. Да, она меня удивила. А почему вторая комната заперта, а?

У девушки внутри все съезжилось от отвращения и предвкушения какой-то моральной пытки.

– Там что-то произошло? Или может... проклятье, я даже не могу предположить, что могло послужить причиной такого странного поступка – взять и опечатать большую и уютную комнату, зачем? Ведь можно было бы использовать ее как кабинет, например, а? Или заняться искусством – живописью, допустим, и устроить ее как мастерскую. Вполне здравая идея, тебе так не кажется? Ну, если ты не любишь живопись, хоть я знаю, что любишь, ну ладно... ну сделала бы там спортзал, прикинь как круто – маленький спортзал в собственной квартире. Нет, не понимаю, зачем опечатывать комнату.

Девушка чувствовала, что голова ее начинает идти кругом, а тошнота усиливается. Ощущение безысходности вызывало в ней гнев, которому не было пути наружу, и гнев этот обращался против нее самой.

– Заткнись, – вновь вслух процедила Катрина, – заткнись, ублюдок чертов.

Голос сделал вид, что не заметил этих слов и продолжил:

– Это как, знаешь в фильмах ужасов, на чердаках закрывают какие-нибудь шкафы с проклятьями, ящики с привидениями, опечатывают этот чердак или подвал и живут дальше, будто ничего не произошло. Вот мне что-то подобное в голову приходит. Живут рядом с призраками, которые только и мечтают вырваться наружу и пожрать своих хозяев. Правда? Так вот, я тут подумал, а не по той же схеме ты сработала? Может ты спрятала что-то в этой комнате, а? Ну, не знаю... нет, конечно, я могу и ошибаться. Но такой вариант, в смысле, что ты что-то скрыла в этой комнате, кажется мне вполне логичным, а Катрина? Ну... может, какую-нибудь вещь? Или даже несколько вещей? Может горю вещей? Катрина, я прав?

Девушка до скрипа стиснула зубы, убиваемая этими словами и собственным бессилием.

– Молчание – знак согласия, ага? А что там за вещи? Вот интересно, что же это должны быть за вещи, чтобы из-за них закрывать отличную комнату, которая могла бы служить весьма полезно. Катрина, что это за вещи? А? Чьи? Чьи там вещи?

И голос захохотал дьявольским смехом, видимо довольный собой.

– Сука, – на этот раз Катрина проговорила про себя, вкладывая всю свою злость в слова. – Будь ты проклят!

И тут же девушка заметила, что силы, прилив которых она чувствует, покидают ее еще стремительней, по мере возрастания в ней гнева. Злость высасывала их с невероятной быстротой. Злость, адресованная именно этому голосу.

– Катрина, – продолжал тот, – ЧЬИ это вещи? Ты ДОЛЖНА мне ответить.

И девушка поняла, что должна. Что сил ее не хватает, когда этот голос настаивает, что он и регулирует в ней баланс сил.

– Это... – она противилась, но слова сдавленным хрипом сами выходили из нее. – Это вещи...

– Ну же, смелей. Это не так страшно, как кажется.

– Это вещи Пьера, – Катрина почувствовала, что может лишиться рассудка и даже обрадовалась этому.

– Даа, – издевательски утвердительно произнес голос, – да, это вещи твоего Пьера. Катрина, а что вещи Пьера делают в запертой комнате, а?

– Я их туда спрятала, – вновь он словно выжал из девушки ответ. – Зачем ты это делаешь?

– Делаю что? – голос повысил тон.

– Заставляешь меня отвечать, причем вслух, – ее голос задрожал.

– Но ведь ты сама меня вынуждаешь к этому. Я просил тебя поговорить, а ты все молчишь. А я хочу получить ответы на некоторые вопросы. Так вот... зачем ты спрятала вещи мертвого мужа в ту комнату?

Катрина почувствовала, что у нее поднимается давление и сердце готово выскочить из груди, мысли ее беспорядочно заметались, и создалось впечатление, что ее саму разрывает в клочья.

– *Отвечай, Катрина. Зачем ты спрятала вещи мужа в ту комнату?*

– Я не знаю! Не знаю! – закричала она и вскочила на ноги в надежде, что потеряет сознание и этот кошмар закончится. Но только она поднялась, как вновь ощутила себя сильной, и головокружения как и не бывало. Она осмотрелась и заметила, что два человека оглянулись на ее крик и с интересом ее рассматривают.

– *Знаешь, Катрина, знаешь...* – голос заговорил мягче. – *Ну ладно, скажешь позже. Разговоры о твоём долбаном муженьке доставляют тебе дискомфорт, не так ли?*

Катрина устремила прочь из сквера и, выйдя на улицу Виктора Гюго, быстрым шагом пошла вниз по улице, удаляясь от дома.

– *Куда идем?*

– Чтоб ты сдох, – девушка почувствовала, что голос вновь дает ей небольшое право выбора. Куда идет, она и сама не знала.

– *Может, на кладбище сходим?* – голос стал равнодушным, – *поплачем там, расскажем, что произошло с нами в последнее время. Скоро дождь начнется – атмосфера самая подходящая для такого мероприятия. Посидим, погрустим, вспомним прошлое. Не хочешь? Почему? Я не нарушу идиллию, даже помолчу, пока ты будешь изливать душу над трупом своего ХРЕНОГО МУЖА!*

Катрина понимала, что не обращать внимания на провокации – лучший способ борьбы, но не могла с собой совладать. Было очень больно.

– Чтоб ты сдох, сука. Любой ценой.

– *Да, я понял. Я это уже слышал. Но я повторяю – ты сама вынуждаешь меня говорить так, когда отказываешься по-человечески общаться со мной. Мне же обидно, в конце концов, –* голос сделал паузу и спросил: – *За что ты его любишь?*

– Такой твари как ты, все равно этого не понять, – процедила девушка про себя.

– *Возможно, возможно...* – голос опять сделал паузу и, вернув себе презрительный тон, продолжил: – *Да, я точно не пойму одного: как и за что можно любить такое ничтожество как твой дохлый муж.*

Катрина резко застыла на месте, чувствуя, как из нее через секунду вырвется неистовый вопль, неистовый и бессильный. Она оперлась рукой о стену здания, мимо которого проходила, и огромным усилием воли заставила себя сдержаться.

Голос хохотал в это время над своими словами.

– *Вот это тебя задело, вот это я попал, да уж... ух* – он отсмеялся и заговорил серьезно: – *Вот так же и меня задевает твое равнодушие, даже неприятие, с которым ты обращаешься ко мне. зуб за зуб, Катрина...*

Катрина оторвалась от стены, и глубоко вдохнув, медленно побрела дальше. Больно – не сказать ничего. Девушку разрывало от чувства тяжелого оскорбления и от ощущения бессилия, хотелось просто биться головой о стену и кричать, кричать...

– *Катрина...* – спустя полминуты язвительно проговорил голос.

– Что? – он заставил ее ответить, и девушка почувствовала, что из глаза ее выкатилась слеза.

– *Твой дохлый муж – ничтожество и неудачник. Ахахаха!*

Не помня себя от отчаяния разрывавшего ее душу, девушка свернула в переулок, который попался на ее пути, и побежала, сдерживая давившие ее рыдания и слыша отвратительный смех, вырывающийся из ее головы и заполнявший пространство вокруг нее. Переулок этот по диагонали соединял улицы Гюго и Иоганна Штрауса. Катрина несколько раз спотыкалась и чуть не падала, вызывая недоуменные взгляды прохожих. Выбежав на улицу Штрауса,

девушка присела прямо на бордюр тротуара, и не в силах сдерживаться, заплакала, продолжая слышать адский хохот.

– *Ну все, все...* – заговорил голос отсмеявшись. – *Ну, не нужно плакать, Катрина, не нужно. Слезами ведь горю не поможешь, ахахахаха!*

– Девушка, вы в порядке? Я могу вам помочь? – услышала Катрина внешний голос и, подняв голову увидела склонившегося над ней молодого парня в бейсболке.

– *Пошли его! Ахаха, Катрина, пошли ко всем чертям этого тупицу! Дай ему пощечину! Ну же!*

Катрина резко встала, отчего парень даже отшатнулся, и неимоверным усилием сдерживая себя от исполнения приказа, выдавила:

– Спасибо, уже все в порядке.

– Ладно, – парень окинул ее подозрительным взглядом и двинулся вверх по улице.

– *Тьфу ты! Нештересно, скучно.*

Девушка достала платок из кармана плаща и вытерла слезы.

– *Катрина... эй, Катрина! А на что это твоя рука наткнулась в кармане пальто, а? Покажи, пожалуйста.*

Девушка почувствовала, как злость и ненависть приходят в ней на смену отчаянию и слезам, и поняла, кто этим руководит.

– *Ну, покажи, пожалуйста* – голос звучал жалобно.

– Пошел ты! – Катрина заметила, что контролирует свою речь и говорит про себя, без шевеления губами.

– *Вот черт! Вновь ты не можешь сделать для меня даже такую мелочь. Послать какого-то придурка не можешь, показать, что у тебя в кармане не можешь, разговаривать со мной тоже не хочешь. Как с тобой дружить?*

Катрина двинулась вверх по Штрауса, толком не сознавая, куда и зачем. Эта улица была самой протяженной в Санлайте и пересекала его с севера на юг, к слову она была самой первой и старой улицей города. По всей ее длине располагались частные дома и коттеджи, и Катрина вспомнила мимолетно, что в самом начале этой улицы, на ее южном конце живет ее знакомая Эвелина. Минут пять она медленно шла в тишине, голос почему-то притих, но девушка чувствовала, что это ненадолго. Она чувствовала, что злость сменившая отчаяние подчинялась этому голосу, и боялась ее нарастания, понимая, что это может вылиться в плохие последствия.

– *Я знаю, что в твоём кармане,* – вновь жалобно заговорил голос, но вдруг резко сменил тон на грубый и язвительный: – *Там фото, где ты с трупом, ахахахаха! Да, тогда труп был еще жив. А сейчас он настоящий труп, и поделом ему. Труп, да и труп, черви уже обглодали... Ахахахахахахаха!*

Катрина вновь почувствовала удар крови в голову и желание закричать, но лишь на секунду, после чего злость и ненависть вспыхнули в ней с новой силой. Более того, девушка ощущала, что эта злость хочет перерасти в агрессию, и старалась противиться этому изо всех сил. Катрина ускорила шаг, стараясь ни о чем не думать и ни на что не обращать внимания, в то время как внутри нее все клокотало от ненависти. Девушка миновала перекресток с улицей Антона Чехова и продолжала идти быстрым шагом, не задаваясь вопросом, куда она держит путь. Голос молчал, но Катрина понимала что сейчас вместо того чтобы говорить, он нагнетает в ней злость. Такова была его нынешняя тактика. Катрину не на шутку тревожила нарастающая агрессия, она понимала, что будет не в силах с ней бороться, если вдруг голосу вздумается склонить ее к проявлению этой агрессии. Не видя другого способа, как этому помешать, Катрина впервые обратилась к голосу первой. Далось это решение ей через невероятное усилие и с четким последовавшим осознанием – «Я сумасшедшая. Я говорю с ничто.»

– Чем бы ты ни был – я найду способ избавиться от тебя. Я клянусь! – сказала девушка про себя, беззвучный тон ее был неуверенным и слабым.

– *Я рад, что он сдох, потому что если б он не сдох, мы вряд ли бы с тобой сейчас говорили,* – голос сделал вид, что пропустил последние слова девушки мимо внимания.

– Тебе доставляет удовольствие оскорблять моего мужа. Что он тебе сделал? – Катрина почувствовала, что попытка ее не увенчалась успехом. Злость в ней продолжала бушевать, усиливаясь с каждой новой фразой, оскорбляющей ее покойного супруга.

– *Да много чести – тратить на него такое сильное чувство, как ненависть,* – усмехнулся голос. – *Дохлый тут вообще не при чем. Неужели ты этого не понимаешь?* – голос повысил тон и стал говорить с новой интонацией нравоучения, что Катрину невероятно взбесило. – *Ты бы не стала со мной говорить, ты бы не заметила меня. Дело в тебе. Ты бы не позволила мне быть с тобой, а не дохлый.*

– Насколько я заметила, ты не особо интересуешься моим желанием пребывать в твоей компании, – с отвращением произнесла девушка.

– *Если так, значит, ты просто очень невнимательна,* – смиренно ответил голос и замолчал.

Пройдя еще шагов двадцать Катрина вдруг заметила того самого парня, который пятнадцать минут назад предложил ей помощь. Он доставал какую-то коробку с переднего сидения своей машины – зеленого Опеля, а заметив Катрину, слегка улыбнулся. Катрина не смогла ответить, потому что почувствовала, как вдруг эта злость внутри нее переходит в стремление разрушать, и достигает апогея. С невыразимым отвращением она почувствовала, что от всей души желает схватить камень и разнести к чертям лобовое стекло этого автомобиля. Желание было настолько сильным, что Катрина даже замедлила шаг, а отойдя от парня шагов десять, вдруг заметила отличный камень, идеально подходивший для этой затеи. Катрина представила, как она хватает этот камень и разбивает стекло, и ее захлестнуло чувство восторга. Чувство отвратительное и невероятно обольстительное, исходящее из глубины души, чувство торжества и восторга от вандализма. С невероятным усилием Катрина отвернулась от камня и продолжала медленно идти, изо всех сил стараясь противиться инстинкту разрушения.

– *Хочешь, поклянусь тебе, что большие слова плохого не скажу о твоём муже,* – голос заговорил невероятно убедительно, стальной оттенок его проявился с новой силой.

– Ты уже обещал это однажды, – Катрина ответила дрожащим шепотом и почувствовала, что именно голос попросит взамен.

– *Нет, я обещаю в этот раз по-настоящему. Я большие слова не скажу про Пьера,* – сила убеждения была невероятной.

– Да, я хочу... чтоб ты больше ни словом не упомянул его, – девушка была не в силах сопротивляться. Она поверила. И она услышала сигнал, означавший, что парень включил сигнализацию.

– *Тогда сделай это.*

Катрина почувствовала дикое возбуждение – возбуждение, когда понимаешь, что «можно». Понимаешь, что запрет снят, что моральные оковы сброшены и можно сделать то, что еще секунду назад казалось невозможным. Адреналин и восторг – отвратительный и низменный восторг; девушка понимала ужас происходящего, но отказывалась сопротивляться. Она развернулась, медленно подошла к камню и крепко сжала его в правой руке. Она видела, что парень несет большую коробку по дорожке к своему дому – маленькому одноэтажному, но очень опрятному. Он был от машины уже метрах в тридцати, Катрина в десяти шагах.

– *Вот это кайф,* – шептал голос.

Катрина мельком обрадовалась, что уходя из квартиры надела кеды, так как предчувствовала, что сейчас придется бежать. Но вот что будет, если парень настигнет ее, девушку вовсе не волновало.

– *Давай же!*

Катрина сделала два резких шага в сторону машины, занесла руку и со всей силы запустила камень в лобовое стекло. Звон разбитого стекла, визг сигнализации и чувство невероятной звериной радости отозвались в ее душе. Гулом из головы в пространство отозвалось:

– *Аааа!!! Ахахахахахаха!!!*

Катрина тяжело дышала и не могла сдвинуться с места. Невероятный всплеск эмоций ударил ей в голову – восторг от дозволенности недозволенного взрывал ее душу.

Она видела, как парень резко обернулся и опешившим взглядом смотрел на орущую машину и переводил его на застывшую Катрину. Сквозь туман в голове девушка поняла, что он не может толком сообразить, что произошло, или не верит своим глазам, и это вызвало в ней новую волну истерической радости. Сама того вначале не замечая, Катрина вдруг поняла, что смотрит на парня с широкой и искренней улыбкой – не презрительной или подлой, а именно искренней и веселой. Бедняга, спустя две секунды пришел в себя, а Катрине казалось, что она смотрит на него уже минут пять. Он поставил коробку на дорожку и с ошеломленным от удивления взглядом двинулся в сторону машины, что девушку удивило.

Сквозь непрекращающийся хохот Катрина разобрала:

– *Беги!!!*

В ту же секунду она повиновалась и побежала, но... сама не понимая, чем руководствуется она побежала не от машины, а прямо на нее, в ту же сторону, откуда пришла сюда.

– *Ты куда, дура?* – слышала она удивленный голос – даже он не понимал, что происходит.

Не понимала этого и Катрина – от машины ее отделяли пять шагов, и опять они показались ей вечностью. Краем глаза она контролировала приближение парня, и видела, что и он не понимает, что толком происходит, так как выражение его лица стало еще изумленной. Было похоже, что он даже не понимает должен ли он злиться. Обескураженный происходящим он даже не ускорил шаг, продолжая медленно приближаться к машине. Катрина обегая машину с противоположной от него стороны на мгновение остановилась и со всей силы ударила ногой в переднее крыло, оставив небольшую вмятину. После чего, вновь посмотрела на парня с веселой улыбкой и со всех ног бросилась вниз по улице.

– *Ахахахахахаха!!!* – звучало громом. – *Я горжусь тобой, сука! Ты даже не представляешь насколько! Это просто невероятно, твою мать! Ахахахаха!*

И тут, на бегу, Катрина заметила, что она и сама смеется; смеется, давясь этим хохотом от быстрого бега. А за спиной она слышала, как кричит удивленно-ошарашенным голосом парень, попавшийся под расправу:

– Твою мать, сука! Да что же я тебе сделал, а? Сука, что ты натворила? Что ты за сука адская?! За что, тварь?!

Катрина обернулась на бегу и увидела, что парень собрался бежать за ней.

– *Не тормози! Беги! Ахахахаха!*

– Сука! Чтоб тебе в аду гореть! Твою мать, что же ты за тварь?! Что я тебе сделал, сука!?

Катрина слышала, что голос парня затухает, а значит, он не продолжает погоню. То, что парень этот пришел в такой шок, и не стал ее догонять, вместо чего просто, не понимая сути происходящего, осыпает ее проклятиями, приводило девушку в неописуемый восторг. Она уже приближалась к улице Чехова, когда заметила, что начинается дождь – первые крупные капли упали на асфальт. Катрина также с радостью отметила, что дорога сейчас пуста, и что поблизости нет прохожих, которые могли бы ее остановить, а те, кто находился поодаль, останавливались в изумлении и глядели на орущего парня у разбитой машины и бегущую хохочущую сумасшедшую.

– *Во дворы, дура! На Чехова, и во дворы! Ахахахахаха!*

– Да что же ты за тварь, а? Да что же я сделал тебе? Сука, твою мать, что же ты за человек?! – последние реплики парня уже еле доносились до нее.

Катрина повиновалась голосу и, перебежав дорогу на улице Чехова – благо на светофоре горел зеленый, бросилась в первый замеченный двор. И вовремя, потому что услышала недалеко сигнал машины и крик:

Немедленно остановитесь! – кто-то ехавший по Штрауса все же сообразил, что произошло, и хотел догнать и остановить девушку.

– Ахахаха! – хохот не смолкал ни на секунду; ни на секунду не успокаивалась и девушка.

Услышав оклик, Катрина остановилась и обернулась. Она увидела за рулем микроавтобуса пожилого мужчину, притормозившего напротив двора, в который она собиралась свернуть, и призывавшего ее остановиться. Девушка, не прекращая хохотать, выставила в его сторону кисть правой руки с вытянутым средним пальцем, а затем скрылась во дворе.

– Да ты сумасшедшая! – услышала она вслед.

– *Вот это ты даешь! Только не останавливайся, беги! Я горжусь тобой, ахахаха!*

Катрина и не думала останавливаться. На бегу она сориентировалась и поняла, что если пересечет три двора держась примерно диагонального направления, то выбежит на Виктора Гюго в сотни метров от своего дома. Дождь усилился и духота, стоявшая в воздухе с утра, отступала под струями воды. Катрина перестала смеяться, но звериный восторг продолжал наполнять ее изнутри, сердце бешено колотилось от возбуждения и быстрого бега, пот стекал по телу, остывая под потоками еще несильного дождя. Все это прибавляло Катрине необъяснимое удовольствие, ей казалось, что она под каким-то моральным наркотиком, что вместе с избытком адреналина в ней сейчас и избыток сератонина. Катрина понимала, что совершила грязный, подлый и ничтожный поступок, но ее это мало волновало. Она ничего не могла поделать с этим кайфом, который испытывала в данный момент, эта эйфория затмила все мысли и остальные чувства. Не было злости, ненависти, агрессия тоже ушла. Только восторг. Даже голос, звучавший в ее голове, не казался ей сейчас таким мерзким и отвратительным как раньше, он казался ей неотъемлемым элементом этой эйфории.

Катрина пробежала уже третий двор, и видела уже улицу Гюго – движение машин и людей. Она в изнеможении присела на лавку на детской площадке, чтоб отдышаться и, запрокинув голову, подставила покрасневшее лицо под струи воды.

– *Черт возьми! Это было действительно круто,* – голос хранил молчание, пока Катрина бежала через дворы, а теперь вновь проснулся и говорил с нескрываемым восторгом – черным и злорадным.

– Да уж! Это было чертовски круто! – шепотом ответила Катрина, осознавая, что это было мерзко, но чувствуя, что это было круто.

– *Черт, ты молодец! Такое хладнокровие... Ты делала раньше что-то подобное.*

– Нет! – Катрина пыталась выровнять дыхание и говорила про себя. – Никогда, даже близко похожего, даже в детстве.

Она заметила, что разговаривает с голосом в данный момент на равных, не испытывая к нему негатива и не испытывая постоянного чувства его превосходства, даже завуалированного. А было так потому, что Катрина поняла: не только себя она удивила своей подлостью, но и этот голос. Даже не так. Она не удивила его, а доказала, на что она способна. Или нет? Может, именно голос доказал ей на что она способна и сейчас просто ослабил свою власть над ней, чтоб она сама это уяснила и осознала? Да, Катрина почти не сомневалась в этом, и в то же время чувствовала наслаждение, хоть и понимала грязь и мерзость произошедшего. Абсурд и сумасшествие происходящего.

И тут небо разразилось оглушительным громовым раскатом, и начался настоящий ливень, вода полилась просто стеной. Но Катрина даже не подумала искать укрытия, она просто встала и пошла спокойным шагом в сторону улицы Гюго. Только выйдя на нее, девушка уже промокла насквозь, но продолжала идти, не обращая внимания на лужи. Она замечала удивленные взгляды людей, прятавшихся от ливня в магазинах, под навесами и где только

можно было укрыться, и не понимала, что их так пугает. На нее же эти потоки воды действовали невероятно успокаивающе – она почувствовала, как возбуждение ее уходит, сменяясь каким-то неестественным умиротворением, словно эйфория, которую девушка ощущала после своей расправы с лобовым стеклом, вышла в свою кульминационную стадию, подкрепленная новой дозой, которой послужил этот ливень. Она чувствовала воду в промокших кедах, в прилипавших к ногам джинсах, в промокших волосах, вода стекала по ее лицу и заливала глаза. И Катрина была в восторге от этих ощущений.

И она продолжала испытывать лояльность к голосу в своей голове, который был сейчас немногословен.

– *Простудишься*, – сказал он участливо.

– И хрен с ним, – спокойно отозвалась девушка про себя.

Ливень закончился, как только Катрина вошла в свой двор. Она подошла к своему Фольксвагену, взглянула в утихшее небо.

– Почему так мало? – спросила она.

Девушка улыбнулась и, не дождавшись ответа, села в машину.

– *Правильно, домой не нужно. Дом – это тюрьма. По крайней мере, сейчас*, – голос продолжал говорить без какой-либо определенной интонации, держась на равных.

– Да, домой не нужно, – ответила Катрина, откидываясь на подголовник.

Она закрыла глаза и почувствовала отвратительное ощущение во всем теле, порождаемое мокрой одеждой. Она почувствовала, что ее отпускает, почувствовала как осознание глупости и подлости неотступно, хоть и издалека, начинает подползать к ней в другом свете, в свете осознания его не столько разумом, сколько душой и совестью. Тут же она ощутила невероятную усталость, просто нечеловеческую, она понимала, что нужно через силу подняться домой, переодеться и лечь в постель. Но не могла – каждое движение стоило ей невероятных усилий, и она явно чувствовала, что упадет при первом же шаге, если выйдет из машины. Преодолевая непослушание и скованность в руках, все, что смогла сделать Катрина, это завести двигатель, включить печь на минимальную температуру и немного опустить боковое стекло.

– *Отдохни*, – услышала девушка, уже не ясно.

В следующий момент она уснула. Сон был без сновидений, но с ощущениями. Ей все казалось, что ее куда-то тянут, без конца дергают и трясут за плечи. Катрина слышала, как ее имя произносится десятками разных голосов – мужскими и женскими, тихими и громкими, нежными и злыми. Сквозь сон девушка не понимала, чего от нее хотят, и не хотела понимать, ей хотелось лишь некоторого времени покоя и тишины. Но голоса, звавшие ее, не умолкали, чьи-то руки продолжали ее хватать, и вдруг кто-то с силой схватил ее и поволок куда-то вниз, повторяя «пора, пора». Все другие голоса стали затихать, и ничьи прикосновения больше ее не тревожили, только те руки впивались в ее плечи и продолжали тянуть ее вниз, все быстрее и быстрее. Катрина уже чувствовала, что она падает вниз, набирая сумасшедшую скорость и вдруг эти руки, что держали ее за плечи, отпустили ее с криком «я с тобой», и Катрина полетела камнем, испытывая дикий страх и чувствуя, что скорость ее падения запредельная. Страх нарастал вместе со скоростью, и когда девушку обуял просто животный ужас близкого конца, она очнулась, вздрогнув всем телом. Как только она открыла глаза, то тут же забыла об этом сне.

Катрина чувствовала себя значительно лучше, лишь немного побаливала голова, и мысли после сна доходили, словно издалека. Но физически она чувствовала себя отдохнувшей и бодрой, несмотря на неприятное ощущение мокрой одежды, просыхающей прямо на теле. В машине было уже душно и, заглушив двигатель, Катрина на всю опустила стекло и жадно вдохнула свежий воздух, резко ударивший в легкие и голову, и прогнавший остатки сна. На улице шел проливной дождь.

Тут Катрина вспомнила последние события. Удивляясь сама себе, она поняла что не испытывает никаких остро негативных эмоций по этому поводу. Да, ей было немного неприятно, она понимала, что поступок ее плох, но... ее это веселило. Да, она засмеялась, не зло- радно, и не над парнем, чью машину она испортила. Она смеялась над собой, над абсурдностью содеянного, а когда вспомнила, как ринулась навстречу этому парню и добавила ногой в крыло, то просто закатилась беззвучным смехом облокотившись на руль. Добавили веселости и вспомнившиеся крики и проклятия. У нее было ощущение, словно она вспоминает какой-нибудь конфуз, произошедший на вечеринке: и не по себе, и весело. Катрина подумала, что, наверное, просто не понимает самой сути: что поступок ее не безобидная шалость, а акт вандализма, за который нужно серьезно ответить. Но она заметила, что вовсе не хочет за него отвечать, что она даже не думает отвечать за него.

И тут девушка заметила, что чего-то не хватает. Голос. Голос молчал. И чувство, которое в ней закрадывалось, что голос с ней уже много лет и никогда с ней не расставался, сейчас пробудилось в ней с необычайной силой. Понимая, что это немыслимо, Катрина отдаленно чувствовала моральный дискомфорт. Она подумала, что, скорее всего – это от необходимости поговорить с кем-нибудь, но нет... она вдруг поняла, с ужасом и отвращением поняла, что боится если голос ей больше не ответит. Что это он в ответе за все последние события, и что сейчас он вообще не имеет права молчать. Что именно он указывал, и даже приказывал ей, что делать, и брал на себя ответственность за нее. И Катрина с невыразимым отвращением поняла, что – черт возьми, – ей хочется сейчас почувствовать на себе его влияние и мощь. Она не понимала, как такое возможно, не понимала, как она могла так быстро поддаться его влиянию, но понимала, что хочет чтобы сейчас этот голос был с ней. Да, он брал над ней верх, и Катрина чувствовала, что отступает. Против своей воли, против голоса здравого смысла – если таковой в ней еще остался – чувствовала, что этот голос сгибает ее. Но страшнее всего – это необъяснимое и звериное наслаждение, прорастающее где-то в глубине души, далеко, но непрерывно приближающееся наслаждение от верховенства этого голоса. Это было ужасно, но девушка не могла ничего с этим поделать. Она не хотела с этим мириться, но понимала, что в данный момент – хоть убей – нуждается в нем и да... жаждет его превосходства, которое лишает ее морально-этических границ.

– Эй, ты где? – Катрина почувствовала, что тревога остаться без ответа немыслимо волнует ее сердце.

– *Все в порядке, я просто задумался,* – голос ответил сразу, продолжая держаться на равных, и Катрина почувствовала, что ей это льстит.

– О чем?

– *Да так, ты натолкнула просто меня на мысль... когда мы брели по Штрауса, ты кое о ком вспомнила вскользь.*

Катрина почувствовала, что предвкушение чего-то необычайного зарождается у нее внутри.

– Ага, – сказала она, невольно улыбаясь, – Эвелина... она живет в самом начале этой улицы.

– *Черт, я ненавижу эту тварь. Самодовольная, мерзкая и безгранично тупая сука. Как вспомню – так колотит.*

Тут девушка почувствовала, как и в ней закипает ненависть по отношению к Лине. Она никогда не испытывала к ней подобных чувств. Вплоть до вчерашнего обеда, Лина всегда казалась ей человеком из того типа людей, на которых грех обижаться. Что их легкомыслие и ветреность могут вызывать искренний негатив лишь у людей ограниченных и не видящих перед собой такого же ограниченного. Иногда Катрина чувствовала по отношению к ней раздражение, но не больше. Сейчас же в ней закипало отвращение, рожденное словами и презрительной интонацией голоса, и девушка поняла, что ее снова провоцируют. Поняла, и зародившийся

было в ней восторг предстоящего действия начал разрастаться, не обращая внимания на голос рассудка.

– *Рыжая тварь бесит невероятно, не так ли?* – и голос засмеялся.

– Неимоверно, – Катрина заметила в зеркало заднего вида, что на лице ее играет маниакальная улыбка, а в теле появилась даже легкая дрожь.

– *Кстати... вчера она о чем-то тебя просила вроде бы?*

Катрина попыталась вспомнить и даже хлопнула в ладоши.

– Она просила заехать и полюбоваться на ее новый заборчик – белоснежный. Он – лучший среди всех подобных.

– *Я не сомневаюсь, что он лучший,* – голос ухмыльнулся. – *Так... может, съездим и глянем на него, как думаешь?*

Катрина завела машину и, тронувшись с места, ответила:

– Ты даже не представляешь, как я хочу полюбоваться на этот забор.

– *Вот умница,* – и голос засмеялся.

Через минуту Катрина уже мчала по Штрауса – ехать до дома Эвелины, было пять минут. Она чувствовала, что ее разрывает от удовольствия и предчувствия встречи с приятельницей. Азарт играл в ней с невероятной силой, азарт охотника загоняющего добычу. Разум где-то вдалеке пытался до нее докричаться, но неизменно глушился чувством восторга, который Катрина сегодня уже один раз почувствовала. Адреналин вновь захлестывал ее, перекрывая собой и отгоняя все тревоги и страхи. Жажда разрушения вновь накрыла девушку, и она заметила, что в этот раз эта жажда еще более сильна. Да, голос вынуждал ее к этому, и Катрине это нравилось.

– *Черт, это невероятно! Это просто сумасшествие,* – голос вопил от восторга. – *Но, в конце концов, эта рыжая скотина должна быть поставлена на место! Это ничтожество! Шлюха! И она должна быть наказана, так ведь? Ты ведь согласна со мной?*

– Несомненно, – Катрина поразилась звонкости и искренности своего голоса.

Когда же она увидела в трехстах метрах белоснежный забор окружавший участок Эвелины, и действительно выделявшийся среди прочих, Катрину просто подбросило в сидении от непреодолимого чувства радости и восхищения неизвестно чем. Катрина взглянула на спидометр – шестьдесят пять. После этого, взгляд ее намертво приковал забор, который неумолимо приближался по правой стороне. До участка Эвелины оставалось тридцать метров, когда в мозгу девушки ясно сработало: «Остановись! Прошу тебя, не делай этого! Не сдавайся, это не ты. Тобой манипулируют! Катрина, остановись!»

– К черту! – прокричала Катрина.

Когда до границы участка оставалось пять метров, Катрина выехала на тротуар, к которому и примыкала передняя стенка забора, высотой сантиметров семьдесят. Восторг в девушке вскипел и готов был разорвать ее, когда она не сбавляя скорости поравнялась с центром передней стенки забора, круто вывернула руль вправо, влетела в ограждение передним бампером и ударила по педали тормоза.

– *Дааааааааа!* – завопил голос иступленно.

От резкого поворота заднюю часть машины резко выбросило и этот дрифт довершил учиненное бампером. С хрустом и треском, которые отозвались в душе Катрины звуком праздничного салюта, метров пять забора рухнули как карточный домик, и добрая часть лицевой стены белоснежного забора теперь валялась грудой раскуроченных палок во двореке, на тротуаре, и под колесами машины.

Скорость была не критической, удар тоже не слишком сильным, но Катрину все же слегка бросило лбом на руль. От удара Катрина секунды три приходила в себя, а когда опомнилась, вокруг стояла мертвая тишина. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, предвкушение шоу

усилилось во стократ, возбуждение взрывало, подкрепленное чувством невероятного удовлетворения всех возможных потребностей, которые заключал в себе сломанный забор.

– Что так тихо? – шепотом спросила Катрина, делая глубокие вдохи.

– *Не знаю...* – ответил голос, тоже глубоко дыша. – *Но это было настолько круто, что...*

И тут воздух разразился таким воплем, что было невозможно поверить, что человек может так вопить. Но Катрина знала, что вопит человек, и этот крик доставил ей просто неземное наслаждение. От восторга она закрыла лицо руками и затопала ногами по дну машины.

– *Она врубилась, врубилась!* – хохотал голос.

Вопль Эвелины был похож на сирену сотни полицейских машин, и Катрина удивилась, как это стекла в доме не вылетают от этого визга, который не только не прерывался и не угасал, а наоборот усиливался и переходил в звериный рев.

– *Сейчас, сейчас...* – шептал восторженно голос. – *Выходи, выходи из машины, встретить ее.*

– Обязательно, – сквозь смех сказала Катрина и вышла из машины под моросящий дождь.

Катрина абсолютно не чувствовала страха, ни малейшего. Этот рев, который способен был бы напугать толпу закоренелых охотников и принадлежащий особе, ярость которой в данный момент сложно было представить, приводил Катрину в неопикуемый восторг. Она абсолютно четко понимала, что Эвелина хоть была значительно крупнее нее, а в данный момент в сто раз усиленная своей яростью, не сможет причинить ей никакого вреда. Более того, сама Катрина ощущала в себе сейчас невероятную силу – не столько физическую, сколько моральную – и знала наверняка, что она сильнее разъяренной Эвелины.

В то время как леденящий душу рев разрывал пространство и вот-вот должен был вырваться из дома на улицу, Катрину практически выгибало от смеха. Вторил ей и голос, но его смех больше напоминал злорадное хихиканье. Входная дверь не распахнулась, а в прямом смысле слетела с петель и грохнулась к ногам женщины в домашнем халате и растрепанными рыжими волосами, с обезображенным от гнева лицом.

– *Она убить обещала! Убить обещала!* – верещал голос.

– ЧТООООООО?! – ревела Эвелина утробно-горловым рыком, сотрясавшим ветви на деревьях. – ТЫЫЫЫЫ, СУУУУКААА!!!

Катрина подавила смех, выпрямилась, нарисовала самую учтивую улыбку и, сделав два шага навстречу, сказала:

– Привет! Да я вот, как и обещала, заехала взглянуть на заборчик. И вот, что я тебе скажу: Эвелина, это самый великолепный забор из всех, что я видела. Он изумителен!

– *Да, он просто супер.*

Лицо Эвелины, замолчавшей при таком хамском и бесстыжем обращении, сначала побавровело, но через секунду резко побледнело. Сделав два нетвердых шага на крыльцо и испуганно глядя в улыбающееся лицо Катрины, Эвелина разразилась новым ором, в котором сквозь рев прорывались иногда слова:

– ШВАААААЛЬ!!! КАК ТЫ ПОСМЕЛА, ШЛЮЮЮХААА!!!

– *Ого, как заливается. Как лев, ахахаха! Беззубый лев!*

Катрина видя, что Эвелина надвигается на нее, тоже пошла навстречу, продолжая улыбаться и слыша смех голоса:

– Дождь достал меня уже, не угостишь чашечкой кофе, а то я замерзла.

Эвелина на секунду остолбенела, замолчала и, взглянула в глаза Катрины, которая тоже остановилась. И тут Катрина заметила то, о чем и так знала – гнев и злость в глазах Эвелины, на несколько мгновений сменились неосознанным страхом, и, вцепившись в волосы обеими руками, она с визгами разрыдалась и бросилась с крыльца в сторону дыры в заборе. Катрина подумала, что, скорее всего, сейчас Эвелина бросится ей в лицо, но та пробежала мимо.

– *Боится! Эта сука нас боится!* – звенело в ушах Катрины.

– СУКААААААА! – вопила Эвелина, падая на колени перед обломками белых палок. – ТВАААРЬ! ЧОБ ТЫ СДОХЛА! СДОХНИ, СУКАААА!

Глядя на рыдающую, ползающую по грязной мокрой земле среди обломков забора Эвелину, рвущую на себе грязными руками волосы, размазывая грязь по лицу, ничто не дрогнуло в душе Катрины, наоборот, веселье и восторг усиливались и заполняли ее, требуя продолжения шоу.

– *Давай, давай, скажи что-нибудь, смотри, как сука в грязи валяется, ахахаха. Грязь смешивается с грязью.*

– А что ты плачешь, Лина, а? – наигранно нежный голос приводил Катрину в восторг. – Я же сказала, что он красивый, почему ты тогда плачешь?

– МОЙ ЗАБОР, МОЙ ЗАБОРЧИК! – продолжала вопить Эвелина, не помнящая себя от горя, и в истерике бьющаяся в грязи. – СУКАААААА! СУКА УБИЛА ТЕБЯЯЯ! И СУКА ИЗДЕВАЕТСЯАААА!

– *Ахахахаха! Смотри на эту шваль, как ее разрывает, да? Вот это ее положет!* – верещал голос, лаская Катрине слух.

Да, Катрина понимала, что издевается самым низким способом, доводит до истерики ни в чем не повинную женщину, ничем не заслужившую такую расправу и ей это нравилось. Разумом Катрина понимала, что она вытворяет, до какой низости и маниакальной подлости она дошла, но ничего не могла с этим поделать. Голос взял верх над ее волей, над ее разумом, над ее сердцем и делал с Катриной что хотел, заставляя испытывать наслаждение от мерзостей. Она стояла и едва сдерживала хохот, глядя на несчастную Эвелину.

– Я УБЬЮ ЭТУ СУКУ! УБЬЮУУУ!

Эвелина вскочила и, скользя по мокрой земле пожухлого газона, бросилась в дом, продолжая неистово вопить. Перед крыльцом она упала лицом в грязь, с трудом поднялась и вбежала в дом.

– *За ней! За сукой! Вперед за сукой!* – вопило в голове у девушки.

Еле сдерживая смех, Катрина бросилась вслед за Эвелиной.

– Лина! Лина! Так как насчет кофе?! Я так замерзла!

– *Ахахахаха! Я тебя обожаю!*

Катрина ворвалась в гостиную и по шуму и воплям поняла, что Эвелина наверху – либо что-то ищет, либо просто громит мебель.

– Лина! – кричала Катрина, стараясь, чтоб ее голос звучал участливо и сочувственно, приходя в экстаз от собственной подлости. – Лина, расскажи мне про своего нового друга, солнышко! Он уже трахал тебя, а?

– *Аааааааааа, – в истерике завопил голос, – даааа, дави эту суку!!!*

Катрина чувствовала, что одобрение голоса невероятно приятно ей в данное время. Она окончательно теряла над собой контроль.

– *Просто потрясающе!* – орал голос, заводя девушку еще сильнее.

Со второго этажа продолжали звучать истерические вопли вперемешку с рыданиями и звуками ударов.

– Лина! Так тебя уже трахал твой новый друг, а? Он трахал тебя в твоей с мужем спальне? Или прямо на глазах мужа, дорогая? Когда тебя уже будут драть на глазах мужа, а?

Тут Эвелина появилась на лестнице, в вытянутой руке она держала пистолет, направленный на Катрину, но находясь в истерике, она не могла его даже жестко сжать рукой, а про выстрел вряд ли можно было думать вообще. Видя грязную и рыдающую Эвелину, еле ковылявшую вниз по лестнице с болтающимся в правой руке пистолетом, Катрина не то что не испугалась, а готова была просто взорваться в иступленном хохоте.

– *Ахаха, сука хочет тебя застрелить! Смотри, пистолет-то не заряжен. Черт, насколько же эта тварь тупая!*

Катрина узнала популярный в Сантории пистолет отечественного производства – «Ланж 19», и заметила, что спусковой крючок находился в заднем крайнем положении, что означало отсутствие патрона в стволе, и, поняв, что зарядить пистолет у Эвелины мозгов не хватит, воодушевилась еще больше.

– Я УБЬЮ ТЕБЯ, СУКА! – уже сорвавшимся и дребезжащим голосом хрипела она, пытаясь придать руке твердости, но та наоборот предательски сорвалась и повисла.

– Ну что ты, милая моя, – приторно заворковала Катрина, – за что? Мы же так отлично полюбовались заборчиком, сейчас выпьем кофе, и ты расскажешь мне, как тебя трахали прошлой ночью, а?

– *Забери пистолет у суки, забери!* – шипел голос.

Эвелина тем временем спустилась с лестницы и остановилась в двух метрах от Катрины. Она вновь попробовала поднять руку с пистолетом, но еле-еле смогла согнуть ее в локте. Потоки грязи вперемешку со слезами стекали по ее лицу, волосы и одежда были перепачканы, голос уже не мог рычать, а лишь издавал слабое дребезжание, физически она была обессилена. Катрина видела это и торжествовала. Она продолжала ехидно улыбаться, глядя в глаза Эвелине, и видела в них испуг и бессилие.

– *Отдай...* пистолет, – Катрина закончила фразу начатую голосом, но не придала этому значения. – Отдай его.

Рука Эвелины вновь повисла, и пистолет выпал, прозвенев об пол. Она опустила заплаканные глаза и, всхлипывая, прохрипела:

– СУКА, ЗА ЧТО?

– Я не понимаю о чем ты? – продолжала издевательски нежно Катрина. – Я приехала к тебе полюбоваться на заборчик, ты же меня просила, Лина, ведь так? Ты же просила?

– *ЧТОБ ТЫ СДОХЛА*, – прохрипела Эвелина, еле дыша.

– Я и приехала, – Катрина погладила ее по голове, – хотела с тобой посплетничать...

И тут у Эвелины брызнула из носа кровь, она вскрикнула, и упала без чувств.

– *Твою мать!* – издевательски воскликнул голос. – *Эта тварь, что, отъехала? Она подохла?*

– Да все с ней в порядке, – Катрина нагнулась и хладнокровно проверила пульс. – Вырубилась просто.

Она взяла со стола в гостиной графин с водой и вылила его на лицо Эвелины. Та открыла глаза и вновь зарыдала лежа на полу, к грязи и слезам добавились кровь и вода.

– *Возьми пистолет, возьми. Он нам не мешает*, – прошипел голос.

Катрина нагнулась, подобрала пистолет и положила в карман плаща. Потом вновь погладила Эвелину по голове, встала и быстрым шагом покинула дом. Когда она приблизилась к своей машине, то заметила, что с соседнего участка за ней наблюдает какой-то мужчина, вероятно, привлеченный криками Эвелины, и видом сломанного забора. Катрина остановилась, открыв дверь автомобиля.

– *Что таращишься...* ты, долбанный урод? Вали на хрен отсюда, – прокричала Катрина, настолько гневно, что мужчина явно не ожидавший такой агрессии от молодой девушки невольно отшатнулся и потупил взгляд.

– *Поехали отсюда, подруга! Тут становится скучно!*

Катрина завела машину, сдала назад и сквозь дыру в заборе выехала на дорогу и помчалась вверх, откуда и приехала.

И вдруг... дикий ужас обуял Катрину, ужас поднялся не из души, а выпрыгнул из мозга – ужас осознания. «Отдай пистолет», «Что таращишься, ты, долбанный урод? Вали на хрен отсюда» – Катрина поняла, что достигла критической отметки. Голос уже начинал контролировать ее речь.

«Или уже контролирует? – думала она, чувствуя дрожь в коленях. – Нет, нет, если я это понимаю, значит, власть его еще не окончательная, значит еще не все потеряно. Значит все еще можно изменить, да... или нельзя?»

– *Я думаю, не стоит*, – услышала она; голос вновь стал жестким и безапелляционным.

Катрина прижалась к обочине и затормозила. Пелена спала с ее глаз. Ее разум наконец сумел докричаться до нее и весь ужас произошедшего и происходящего явился ей в трезвом свете. Она закрыла лицо руками, чувствуя, как все ее тело колотит дрожь, а душу рвет от страха.

– *Успокойся, все было просто супер, ты была на высоте!* – голос продолжал говорить жестко. – *Сейчас не время давать волю остаткам эмоций и сердоболия.*

– Заткнись! – заорала Катрина и несколько раз ударила лбом об руль. – Заткнись! Заткнись! Заткнись!

– *Началось...* – прозвучало с нотой раздражения.

– Господи, что же я натворила? – шептала Катрина, не адресуя слова голосу в своей голове. – Что же я натворила? Эвелина... да что же она мне сделала? Господи, как же я могла дойти до такого? Как я могла быть такой жестокой?..

– *Все правильно*, – голос начал повышать тон. – *Эта сука заслужила, она заслужила еще большего.*

– Господи, Эвелина, прости меня, – продолжала шептать Катрина, слыша, как ее слова тонут в пространстве, под натиском слов голоса. – Прости меня, пожалуйста, это ведь не я, не я... это – эта мерзость в моей голове, это – зло и мерзость в моей голове.

– *Нет, Катрина. Это ты. Запомни – это ты. Потому что, если б это был я, ты бы выпустила ей всю обойму в ее безмозглую бабку, и наслаждалась бы зрелищем вытекающих тупых мозгов.*

– Я сошла с ума, сошла с ума, сошла с ума... я – псих, мне нужна помощь. Прости меня, Эвелина! Прости меня, Господи! Не я это, не я... это зло, которое завладело моей душой и сердцем...

– *Сидит, у какой-то рыжей дуры прощения просит*, – голос понизил тон и говорил с насмешкой. – *Нет, правда, ну зачем этой скотине вообще жить? Почему ты ее не убила, у тебя были все шансы, ты могла ее просто задушить. Она же... она же – ничтожество.*

– Простите меня, простите, – шептала Катрина. – Я не в своей воле, но я верну себе себя, верну. Обещаю... и отвечу за все.

– *Ой, ну хватит! Надоедать начинает.*

– Заткнись! – вновь закричала девушка. Затем выпрямившись в сиденье, она глубоко вдохнула, закрыла глаза и резко выдохнув, произнесла спокойным и твердым голосом: – Все тварь, это начало твоего конца.

Катрина выехала с обочины и продолжила путь вверх по Иоганна Штрауса.

– *Куда едем?* – спустя минуту ехидно спросил голос. – *Вот снова ты начинаешь злиться, и создаешь дискомфорт. Зачем? Только все стало нормально, а ты опять за старое. Не понимаю, что тебе вечно не так? Только ладить начали, а ты хочешь все сломать. Ты посмотри только, как круто мы провели время вместе, повеселились же на славу! А сейчас снова не разговариваешь, едешь куда-то... куда, Катрина? А?*

Катрина не отвечала. Она всеми силами старалась обрести хоть какую-нибудь уверенность в себе. Но только не ту страшную уверенность, которой питал ее голос, когда ему этого хотелось, и которую он в любой момент был готов забрать. Она старалась вернуть себе саму себя, сосредоточиться на «остатках сердоболия» и думать только об этом, только о хорошем, что могло в ней быть. Катрина пыталась игнорировать этот голос, пропускать мимо ушей, но каждое его слово отдавалось в голове не просто звуком, а мыслью. И ее тошнило. Она пони-

мала, что проигрывает, что теряет себя и становится марионеткой во власти того, чего не может объяснить.

Катрина свернула на Чехова и поехала вверх по улице.

– Ахахахаха! – злорадно завопил голос. – *Я понял! Понял, понял, понял! Мы едем в церковь, ахахаха! Молиться! Да-да-да, едем молиться! Черт!* – он хохотал и верещал, приводя Катрину в состояние близкое к истерике. – *Это потрясающе! Как тебе только в голову пришла такая идея?! Церковь – это замечательно, надо попросить прощения за грехи, покаяться и очистить душу. Будем молиться, да! Я так хочу молиться, не могу прям! Гони! Гони! Ахахаха!*

Катрина припарковалась у обочины метрах в пятидесяти от храма, который стоял по правой стороне улицы. Она старалась взять себя в руки, приобрести хоть немного спокойствия и хладнокровия, но чувствовала, как ее колотит истерическая дрожь, которая может в любой момент вырваться наружу.

– *Да ты не нервничай. Все будет нормально, там совсем не страшно. Тем более, что тебе есть чем крыть все твои грехи...* – голос замолчал, и девушка поняла, что он готовит для нее новую порцию пыток. – *Ну, ты понимаешь, о чем я...* – добавил он небрежно.

Катрина чувствовала, как закипает в ней бессильная злоба, готовая поглотить ее в приступе бешенства. Она догадывалась, о чем сейчас заговорит голос и готовилась сражаться изо всех сил против новой провокации.

– *Ты же понимаешь, да?* – вновь заговорил голос тем же небрежным тоном. – *Ну, я о том... о том, что ты ни с кем не спала уже два года, так ведь?*

Катрина вздрогнула.

– *Два года – это круто. Это прям обет целомудрия, монашки позавидуют, ага? Ну, вот и скажешь священнику, мол, я грешила, сегодня машину сломала невинному человеку, потом чуть не убила рыжую тварь... но зато я безгрешна в плотских утехах уже два года. Черт! ДВА ГРЕБАННЫХ ГОДА! А священник тебе: «Да это же просто фантастика! Хочешь у нас работать? Ангел во плоти!» А ты в ответ: «Что вы? Я же сегодня чуть не до смерти извела женицу, одну рыжую тварь!» А он тебе: «Да это же пустяки! Зачем ты вообще думаешь о какой-то шлюхе, у которой в году мужиков больше, чем дней?!» А, Катрина? Зачем ты думаешь о ней? Почему в тебе ненависть к этой рыжей шлюхе? Да, деточка, подсознательная ненависть иногда вырывается наружу, ненависть о которой даже не догадываешься...*

У Катрины задрожали губы, она с трудом подавила крик, готовый вырваться из ее груди и, заплакав, упала головой на руль. Отчаяние вновь скрутило ее, выжимая прочь все другие эмоции.

– Замолчи, – простонала она, – замолчи. Зачем... зачем ты это делаешь?

– *Но ты не расстраивайся, – голос, словно не заметил последних слов, – это не главное. Главное, что ты ни с кем не спишь, а все остальное – это суета. Если ты и дальше будешь соблюдать целомудрие, тебе простятся все грехи, все! ВСЕ! ВСЕ, Катрина... Можешь делать что угодно – воруй, убивай, оскверняй, разрушай! Но! Ни с кем не трахайся, Катрина!* – голос перешел на крик.

– Зачем ты так говоришь? Что ты хочешь со мной сделать? – Катрину давили рыдания, она сотрясалась всем телом, не в силах сопротивляться.

– *Так ведь?! – голос кричал, по-прежнему не обращая внимания на слова девушки. – ТЫ ведь сама так думаешь, Катрина? А? Нельзя ни с кем трахаться, да? Отвечай!*

– Нет! – в истерике закричала Катрина, ударяя кулаками о руль. – Нет!

– *Ложь! – кричал голос в ответ. – Ложь! Ложь! Говори правду!*

Катрина почувствовала, что она приближается к конечной черте, за которой ее сумасшествие обретет полную свободу, она была в шаге от срыва. Девушка выскочила из машины и побежала к храму.

– *Да, вперед!* – голос вновь заверещал радостным криком. – *Вперед! Будем молиться! Молиться во спасение души! Ахахаха!*

Приближаясь к храму, Катрина чувствовала, как отступает отчаяние и из глубины души вновь пробиваются ростки злости. На бегу осмысливая действительность, девушка попыталась списать это на праведную злость, надеясь, что стены храма восстают против зла, которое она ощущает в себе, надеясь найти спасение в святом месте. Но в то же время, она прекрасно понимала, что вовсе это не праведная злость, а уже знакомая злость, которую диктует и которой управляет ужасный стальной голос в ее голове.

– *Вперед!* – продолжал вопить он. – *Мы бежим молиться! Расступитесь берега, разверзните небеса – мы бежим молиться! Ахахаха!*

Одним рывком Катрина распахнула тяжелую дверь храма и вбежала внутрь.

Через двадцать минут Катрина выскочила на улицу, дико озираясь по сторонам. «Господи, да что же это происходит, – думала она, – что со мной твориться? Никого, никого... надо выбросить срочно, срочно выбросить... до чего же я дошла...»

– *Ахахаха!* – голос все вопил, – *Хороша была попытка, но... не судьба! Ахахаха! Черт возьми, это было незабываемо, это было настолько круто! Аааааа! Это просто сногшибательно, я о таком даже никогда не мечтал – это превзошло все мои ожидания! Ты восхищаешь меня все больше и больше, ты была просто фантастической!*

Катрина тряслась всем телом, голова кружилась и ее дико тошнило. Всегда людная улица Чехова, сейчас – благодаря то утихающему, то припускающему дождю – была практически пуста за исключением немногих прохожих. Сквозь туман в голове и истерическое состояние души, девушка благодарила небо, хоть за эту удачу, казавшуюся сейчас сверхъестественной. Нервным и неровным шагом, то спотыкаясь, то порываясь на бег, она прошла метров шестьдесят, перебежала дорогу в неположенном месте и выскочила на центральную аллею, разделявшую проезжие части. Катрина нервно оглянулась и к своему счастью не увидела никого на этой аллее.

«Избавиться, сейчас же избавиться, – мерцало в голове, – пока никто не видит, давай же. Господи, как я могла прийти в твой дом с оружием, как? Прости меня, Господи! Не я это, не я, меня ломают. Господи, меня ломают, ломают... дай мне сил, прошу тебя! Небеса, дайте мне сил выстоять! Простите меня, простите!...».

– *Эй, ты что это делаешь?* – делая тон удивленным спрашивал голос. – *Нет – нет, не стоит этого делать, пистолет нам еще пригодиться. Эй, ты слышишь Катрина? Не стоит.*

Девушка подошла к зарослям кустарника, росшим по обе стороны аллеи. Остановившись, она почувствовала, как пистолет в кармане плаща уперся ей в бедро, и ее пронзило невыносимым холодом отвращения. Девушку передернуло всем телом, она еще раз оглянулась и одним резким движением вынула пистолет из кармана и кинула в ветви кустов. Затем быстро развернувшись, она вновь перебежала дорогу, не помня себя от страха и возбуждения добежала до своей машины, и с визгом сорвавшись с места, понеслась дальше вверх по улице Чехова.

– *Ну и что же ты наделала* – голос говорил теперь наставническим тоном. – *Ну кто же так делает? Украсть пистолет, а затем выбросить... зачем тогда вообще было его красть? Что за логика, а? Когда ты уже перестанешь бояться? Когда научишься контролировать свои страхи и идти до конца? Ты опять начинаешь меня разочаровывать, только все испортилось, а ты вновь хочешь все испортить...*

Не зная зачем, Катрина свернула на улицу Луи де Бройля и поехала на север. Нет, она не думала о пистолете, она не думала о том, что Эвелина уже могла заявить в полицию и что ее ищут. Она не думала ни о каких последствиях для себя, ее не волновало, чем для нее могут обернуться собственные поступки. Среди всех мыслей, вихрем мечущихся в ее голове под давлением страха и паники только одна была ясной: как она могла позволить собой управлять?

– Да очень просто, – издевательски звучал голос. – Не нужно много усилий, чтобы заставить человека совершить мерзость. Все эти мерзости жили и живут в тебе, Катрина. Я лишь поднял их со дна твоей души и предложил привести их в жизнь, а ты согласилась. Ты согласилась, Катрина. Не я виноват, не я доводил рыжую тварь до нервного срыва, а ты. Почему, Катрина?

– Потому что я тебя слушала! – закричала девушка и резко затормозила рядом с автобусной остановкой. Тяжело дыша, она закрыла лицо руками и прошептала: – Ты заставляешь меня слушать.

– Или?

Катрина молчала, не в силах дать ответ, который был готов сорваться сам. Она понимала, что и это не ее ответ, что даже ответы ей навязывают. Понимала, но не могла ничего сделать.

– Катрина, или что?

– Или я хочу тебя слушать, – простонала Катрина.

– Не слушать, моя девочка. Я бы никогда с тобой не заговорил, если бы ты не хотела меня слушать. То, что ты хочешь меня слушать – это так же ясно, как ежедневный восход. Главный вопрос в другом – хочешь ли ты меня слышать? Слышать, а не слушать. И это сугубо твой личный выбор. И даже я не могу на него повлиять.

Катрина застонала, и слезы полились из ее глаз.

– Я не хочу тебя слышать, – шептала она сквозь плач. – Не хочу... ты ломаешь меня, ты берешь меня силой, ты вынуждаешь.

– Как? Катрина, как? Разве я могу добраться до тебя иначе, чем словом? Разве могу я причинить тебе хоть малейший вред?

– Словом, – стонала Катрина, – слов достаточно.

– Ах, вот как! – голос перешел на ироничный тон. – Слово... как же я мог забыть. Да, слов порой достаточно. А знаешь когда и почему? Знаешь, Катрина? Когда слышишь то, что хочешь слышать, да. Тогда все хорошо, тогда все гладко. Когда в уши заливаются слова любви – тогда все хорошо. Когда слышишь, что все будет хорошо – тогда все хорошо. Когда слова говорят, что ты не виновата, что так получилось и виноват кто-то другой – тогда все хорошо. Когда слышишь клятвы и обещания, сулящие мир и добро – тогда все хорошо. Когда слова утешения возрождают в тебе веру в светлое будущее – тогда все хорошо. Все это хорошо и все это слова.

Катрина пыталась, изо всех сил пыталась не слушать, пропускать мимо ушей все сказанное, пыталась уйти от контекста, не ловить нити. Но каждое слово впивалось в ее мозг и находило отражение в ее разуме. Это приводило ее в отчаяние, заставляло лить слезы и окончательно убедиться в собственном сумасшествии.

– Но знаешь, Катрина, когда слов более чем достаточно? Когда слово перестает дарить иллюзорное добро? Знаешь когда? Тогда, когда оно причиняет боль, когда причиняет дикую боль, с которой подчас просто невозможно справиться. Ибо слово – это оружие. Единственное оружие, с помощью которого работает правда. И когда правда оказывается на поверхности, очень часто становится больно. И даже нескольких слов более чем достаточно. Слова правды – это одно из самых серьезных возмездий, с которым человеку приходится сталкиваться на своем пути. Да, это одно из самых страшных испытаний, которое с честью проходят лишь единицы, а тысячи ломаются и отказываются идти дальше. Правда, Катрина... испокон веков за нее боролись, судили и убивали. Так где же ее искать? Ответь мне...

– Ты говоришь мне ложь, – Катрина старалась взять себя в руки. – Все – ложь. Я никогда и никому не хотела причинить вред – это правда. Мне не нужна чужая боль – это правда. Я не хочу тебя слышать – это правда. Я не позволю тебе создать во мне иллюзию правды, до правды тебе не добраться. И ты сам это знаешь – знаешь, что можешь склонять мою волю,

можешь диктовать действия и поступки... но ты знаешь, что правду во мне ты не изменишь. Это то, против чего ты бессилен. Да! Правда – это оружие. Оружие, которого ты боишься!

Катрина чувствовала, что уверенность в ней возрастает по мере ее речи. И она с восторгом и самой невероятной радостью, которую только она могла чувствовать, понимала, что эта другая уверенность. Не та, которую иллюзорно навязывал ей голос, когда ему было это выгодно. Нет, это была ее уверенность, к которой она привыкла за свою жизнь, ее родная уверенность в себе. Ее ростки были еще очень слабы, но они появились. Катрина чувствовала, что нашла слабость. Что у этого дьявольского голоса, поселившегося в ее голове и за один день причинившего столько вреда, как и у всего на свете есть слабое место. Что то, что за один день чуть не уничтожило ее, боится правды. Катрина понимала, что нашла то, что искала.

– *Да ладно!* – продолжал тем временем голос, несколько не смутившись. – *Кто из нас боится правды еще стоит подумать. Хорошенько подумать. Ведь есть еще один важный вопрос: сможешь ли ты принять ту правду, с помощью которой собираешься меня убить?*

– Правда в том, что тебя нет.

Ответа не последовало. Катрина с замиранием сердца ждала, но голос молчал. Не слишком рассчитывая вначале, она чувствовала, как с каждой секундой в ней растет надежда, что это конец. Что правда действительно, как всегда проста и понятна, и как всегда восторжествовала. Прошло две минуты, показавшиеся девушке двумя часами, затем еще две, и уверенность в Катрине росла. Она стремилась сосредоточиться на этом ощущении, понимая, что это путь к спасению. Понимая, что необходимо вновь обрести себя, вернуть себе контроль над разумом и порождаемыми им желаниями. Она вспомнила все, что натворила за сегодняшний день и мурашки пробежали по ее коже, она поняла, что за все нужно ответить и предстать перед полицией. Нет, ее это не пугало – наоборот, она чувствовала радость, что сама ответит за себя, сама признает вину и поступит в соответствии с законом. Голос молчал пять минут, а Катрине показалось, что за это время вся жизнь перевернулась. Показалось, что еще вчерашний день без голоса кажется ей невероятно далеким, возможно даже не существовавшим. Потому что – да – за неполные сутки он пропитал Катрину насквозь и заставил чувствовать, что был с ней всю ее сознательную жизнь. Разумом она понимала, что он был с ней со вчерашнего вечера, а подсознательно – гораздо дольше.

– *Не сработало!* – и голос засмеялся своим злорадным стальным хохотом. – *Поищи другую правду!*

От неожиданности Катрина вздрогнула. И поняла, что прекрасно знала: так просто ей не отделаться. Теперь она лишь старалась всеми силами сохранить ту малую уверенность – свою уверенность – и искать спасения именно в ней.

– *Почему не сработало?* – голос ждал ответа, но девушка решила, что пора положить этому конец и первым делом нужно заставлять себя не отвечать. Терпеть изо всех сил, какие она найдет в себе, но не отвечать. Сжать волю в кулак и не отвечать. – *Опять молчим? Ладно, я отвечу за тебя. Не сработало, потому что не верила, да?*

Это была правда – Катрина понимала, что действительно на тот момент не верила. И поверить в его отсутствие было для нее первым и самым важным шагом.

– *Ну и что же это за правда, если в нее не верить? Это не правда, вот в чем фокус.*

Катрина осмотрелась по сторонам и увидела бар метрах в пятидесяти от себя. Она подумала, что сейчас самое время выпить рюмку коньяка, согреться и снять напряжение. Она вышла из машины и направилась к бару. Дождь продолжал идти, и ближе к вечеру становилось весьма прохладно.

– *А знаешь, чем ты сейчас занимаешься, Катрина?* – продолжал тем временем голос. – *Черт возьми, это просто невероятно! Ты занимаешься тем, что вообще не может идти рядом с правдой, которой ты меня пыталась напугать. Самообман, Катрина! Ты пытаешься убедить себя, что меня нет, но ты в это не веришь. Нет, не веришь! Ты хочешь просто вбить*

себе это в голову, но ничего не выйдет – самообману не место рядом с правдой! Кстати, выпить – отличная идея. Попробуй сначала найти правду, и если сможешь – тогда начинай игру. А запугивать меня тем, во что сама не веришь – дело весьма бесполезное. Я думал, в хрме ты это поняла, но выходит, что нет.

Катрина тем временем вошла в зал маленького бара и, окинув помещение взглядом, оставила выбор на столике в углу зала.

– Можно мне пятьдесят грамм «Хеннеси»? – обратилась она к бармену.

– Да, присаживайтесь.

Катрина заметила, что бармен как то странно переглянулся с девушкой официанткой, словно оба пытались скрыть улыбку.

– А лучше два по пятьдесят, – добавила Катрина и, следуя указателю, прошла в туалет.

– *Как мило, что ты обо мне вспомнила, я с удовольствием выпью с тобой,* – съязвил голос.

Увидев себя в зеркале, девушка тут же с уверенностью посмела списать невольные улыбки персонала на свой внешний вид. Глаза ее были покрасневшими от недавних слез, все выражение лица выражало не то, чтоб страх, но тревогу – определенно. Волосы были взъерошены, джинсы промокшие и где-то даже грязные. Катрина горько улыбнулась и покачала головой.

– Да и хрен с ним, – сказала она своему отражению и вернулась в зал.

– *Вот именно!* – не преминул заметить голос.

Девушка села за столик, на котором уже стояли два бокала коньяка.

– *Ты что – алкоголичка? Будешь вот так сидеть одна и бухать? Господи, как неприлично для девушки! Сидеть в какой-то забегаловке и пить голый коньяк! Катрина, что с тобой? Тебе плохо? Может «скорую» вызвать?»* – издевался голос.

Катрина сделала глоток и почувствовала, как обожгло все тело, а горло схватил горячий спазм. Катрина очень редко пила крепкий алкоголь, к тому же весь день ничего не ела, и ощутила, что опьянела с первого глотка. Она отпила еще, чувствуя, как затормаживается мышление, а по телу расходится приятная усталость.

– *А деньги есть? Сумочку ведь мы дома оставили.*

Машинально Катрина проверила карман плаща и обнаружила смятую пятидесятифранковую купюру. И тут же встрепенулась всем телом, поняв, что вновь невольно сделала то, на что указал голос, хоть прекрасно знала, что в кармане есть деньги.

– *Ахахаха!* – тут же расхохотался голос. – *Не слушает! Да что же ты такая дура, Катрина? Ну что ты вновь упрямилась? Давай поговорим, а? Давай поищем правду вместе, может к чему и придем... ты же этого хочешь, да? Так кто из нас боится правды – ты или я? Я предлагаю тебе попробовать найти ее. Ты ведь думаешь, что правда опасна для меня, а сама боишься. Как же так? Молчишь? Ладно...*

Катрина знала, что ей необязательно обращаться к голосу. Все о чем она думала было ему известно так же ясно, как и ей. Скрыть ничего не получится, разговаривать с ним нельзя. Остается одно – продолжать игнорировать и пытаться обращаться к собственному разуму, стимулируя и вызывая на помощь то свое, что еще не совсем отказывалось ей служить.

– *Ну что же,* – заговорил голос спустя две минуты, – *придется мне пробовать найти правду. Вопрос только в том, понравится она тебе или нет? Но... от правды не уйти. Как не пытайся, но не уйти.*

Катрина почувствовала, как внутри нее все съезжилось, в предвкушении новой экзекуции – возможно, самой страшной. Она поняла, что сейчас голос будет пытаться навязать ей какую-нибудь свою правду, окутанную грязью и мерзостью. Навязать всеми своими силами убеждения и внушения, что он умел делать лучше всего. Катрина старалась приготовиться

к этому и держаться до последнего. Чего бы ей это не стоило, какие бы мерзости не говорил голос, что только не возбуждал в ее душе – нужно терпеть.

– *Поговорим о дохлом?*

Катрина знала, что рано или поздно тема ее покойного мужа, которая причиняла ей невыносимую боль, а голосу невыносимую радость, поднимется вновь. Она сделала еще глоток коньяка и приготовилась к худшему.

– *Я люблю эту тему. Она заставляет тебя чувствовать мою близость. Мне жаль, что я вынужден причинять тебе боль, но это только кажется болью. На самом деле, это просто вопросы, которые требуют некоторой ясности. Может она приблизит тебя к твоей эфемерной правде. Так как, поговорим? Не хочешь? Да, не хочешь. А почему? А потому, что боишься. Ну, ничего, это скоро пройдет. Итак... значит, ты любишь своего мужа? Да, Катрина? Любишь мужа? Или, может, ты любишь свои страдания? Может за два года ты настолько привыкла к своей роли жертвы, что уже не можешь представить без страданий свою жизнь? А? Без ложных, выдуманных, лицемерных страданий! Которым грош цена! Которыми ты питаешься, насыщаешь свою никчемную душонку, чтобы хоть как то оправдать свои комплексы? Лживые страдания, не имеющие ничего общего с любовью. Страдания страха, но никак не любви. Страх принять себя такой, какая ты есть, страха правды!*

Голос неумолимо повышал тон, с каждой минутой он гремел в пространстве бара все громче и громче. Помимо Катрины в баре находилось еще три посетителя, бармен и официантка. Девушка с искренним удивлением смотрела на них и недоумевала, как можно не слышать этот голос. Сотрясающий стены и заставляющий вибрировать предметы.

Голос взрывался в ее голове, проникая в самые потайные уголки ее души, сея в них свою правду. Катрина сопротивлялась изо всех сил, повторяя про себя, что все – ложь.

– *Нет, не ложь! Зачем ты хранишь его вещи? Зачем, дура? Не можешь расстаться с памятью о нем? Так ты думаешь? Нет! Ты боишься отказаться от памяти о нем! Ты боишься признаться, что с его призраком твой страх легче держать под контролем. Страх самой себя. Его вещи не имеют к нему никакого отношения, ты хранишь их не в память о нем, а во славу своего идиотизма. Идиотизма лжи! Лжи образа верной и скорбящей вдовы, хоронящей себя из-за нереализованных амбиций семейного счастья. Лжи любви, которая очерняет и оскверняет искренность чувств. Лжи недостатка любимого человека, без которого ты замечательно обходишься. Да, Катрина! Несмотря на все твои истерики, ты знаешь лучше меня, но боишься признать! Ты не нуждаешься в этом человеке! Нет! Не нуждаешься. И от страха признать это, принять как факт, происходит все остальное. Ты провоцируешь и накручиваешь сама себя, чем ближе осознание факта его ненужности в твоей жизни, подкрадывается к твоему рассудку. И ты прогрессируешь в своей лжи! Ты принципиально не ешь дома! Ты постоянно разговариваешь со стенами! Ты целуешь его фото каждое утро и каждую ночь! Ты два года мастурбируешь в ванной, вместо того чтобы найти себе партнера! Все это было бы мило, если бы не было ложью! Все это – ложь! Так, где же тогда правда, которой ты меня запугивала? Правда – это твоя ложь! Откажешься от лжи и узнаешь правду!*

Катрину выворачивало наизнанку от этих слов. Нет, она их не признавала, ни на секунду она не допускала хоть малейшей доли истины в услышанном. Она знала, что голос играет на самом болезненном, что есть в ее душе, знала что это провокация, направленная на то, чтобы любым путем вывести ее из себя и продолжить навязывать свою волю. Преодолевая невероятные терзания, Катрина продолжала терпеть эту боль, решив пройти путь до конца.

– *Не дойдешь!* – презрительно сказал голос. – *Не сможешь. Вот увидишь – сломаешься. Но, на самом деле я ведь тебя ни в чем не виню. Наоборот, я лишь желаю тебе счастья, хочу, чтобы ты наконец выплюнула из себя все ненужное и начала жить нормальной жизнью. Зачем ломать себя ради какого-то ничтожества? И ты прекрасно знаешь, что дохлый – ничтожество. Никчемный, бездарный и безвольный неудачник. Ты с помощью своего отца*

устроила его на нормальную работу, ты открыла свою лавку, ты купила квартиру! Все ты, Катрина! Все сама! Он же только плыл по течению, следовал за тобой! То, что так бесило и раздражало тебя, ты стараешься обратить в его плюсы. Какие? Он был внимательным? Нежным? Заботливым? Понимающим? Он слушал тебя? Он чувствовал, что ты от него хочешь? Ты чувствовала себя комфортно с ним? Нет! Нет, нет, нет, нет, нет!!! Но ты пытаешься в это поверить, ты наделяешь его этими качествами, которыми он никогда не обладал. Которых ты никогда не находила в нем при жизни, но вдруг нашла после смерти! Как же так? Как это? Катрина! Обман! Вся твоя жизнь – обман, вся твоя память – обман! Хватит, покончи с этим! Единственное качество, которое тебя устраивало в твоём трупе – это то, что из него можно было вить веревки, просто приказывать под видом просьбы. Ведь этот идиот даже голос на тебя не повысил ни разу за два года брака, и за год до. Да, он не мог спровоцировать даже мелкую ссору, в которых, иногда, так нуждаются женщины. Из-за своей бесхребетности он даже тебе не позволял найти, к чему бы придраться. «Пьер, ты сделал это?», – «Да, милая». «Пьер, ты сделал то?», – «Да, любимая». И так во всем – вот тварь. Да что говорить! Господи, я честное слово не представляю, где он взял столько смелости, чтобы сделать предложение. Каких душевных мук ему это стоило, наверное. Сколько сомнений и внутренних препятствий он пересилил, чтобы выдать из себя «Выходи за меня»! Это просто невероятно! А скажи честно, а... скажи, что ты почувствовала, когда услышала эти слова? Счастье? Радость? Волнующее ошеломление? Нет, Катрина. Ты почувствовала торжество! Да, это было торжество охотника загнавшего жертву. Это было злое торжество! Разве так любящая женщина воспринимает самые важные в своей жизни слова, а? Женщина, которая знает, что не пропадет, что она молода и красива, что ее жизнь в ее руках? Нет, Катрина! Ты так никогда не думала, ты мечтала не об этом. Ты думала, что когда уверенная в себе женщина слышит слова предложения от любимого человека, ее переполняет безграничное счастье от понимания того, что теперь она будет соединена священными узами с ним. Ты считала, что если любовь искренняя и чистая, то невозможно почувствовать: «Ага, попался!». Но... подсознательно ты почувствовала именно это. Не было дрожи в коленках, не было перехватившего дыхания, не было даже слез. Было торжество верховенства. Да!

Катрина чувствовала, как ее ломают. Ломают все, чем она живет и дышит. Пытаются отравить остатки ее сознания и заставить верить в ложь. Но на самом деле, она думала, что все будет еще хуже. Подсознательно она не рассчитывала продержаться так долго, думала, что рухнет в самом начале. Она уже допила второй бокал коньяка – опьянела, но была в полном уме и памяти. Алкоголь ударил в голову, и под его воздействием Катрина представляла – словно она наблюдала со стороны – что она где-то далеко за пределами города и страны. Что этот бар стоит обособленно на границе мира, что он не в Санлайте и вообще за пределами Сантории. Она видела людей в баре, но не понимала, что они тут делают, кто они и вообще, зачем тут находятся? Как они вообще сюда попали? Зачем нарушают ее физическое одиночество, если ничем не могут ей помочь. Зачем сидят здесь, если не слышат того, что слышит она, если не чувствуют того, что чувствует она. Какова тогда цель их пребывания здесь? Зачем собрались здесь и наблюдают за ней? Да, они ждут... они ждут, что Катрина сломается, и ждут шоу, которое за этим последует. Ждут и злорадствуют. Да, им даже на секунду не может представиться, что она сейчас переживает. Они хотят зрелища, хотят аплодировать этому дьявольскому голосу, рукоплескать и веселиться. Им будет неинтересно увидеть ее победу – нет, намного приятнее им будет увидеть ее поражение, ее агонию и бессилие. Да, им не нужны герои – они скучны. Жертва, павшая и изуродованная жертва – вот их жажда! Смотреть на чужие муки – одно удовольствие. Такой вид нарциссизма и самолюбования для слабых и бездушных, для тех, кто еще не падал. Ведь не осознавая этого, видят они свое отражение.

– Молодой человек! Повторите, пожалуйста! – прокричала Катрина бармену.

Бармен подозрительно посмотрел на Катрину, но принялся выполнять просьбу. Да, Катрина понимала, что выглядит она сейчас как пьяная психопатка – растрепанная, с перепуганными глазами, – но это волновало ее меньше всего. Коньяк помогал справиться со степенью боли, причиняемой ей голосом.

– Правильно, не нужно считаться с людьми, которые не играют в твоей жизни никакой роли, – продолжало тем временем звучать из головы девушки. *– Это совсем не обязательно. Тем более, когда сама с собой не считаешься. Не боишься опьянеть? Алкоголь может поспособствовать необдуманным и агрессивным поступкам, пробудить неудержимый инстинкт разрушения. Тебе ведь это так не нравится, а? Ну, дело твое.*

Голос молчал в течение минуты, заставляя Катрину пребывать в ожидании еще более страшных слов. Она заметила, что когда голос брал паузу – словно обдумывал дальнейшие речи, – то речи эти становились еще более невыносимыми, и мучительно болезненными.

– Ну что ж... – голос заговорил негромко, но звучал до крайности зловеще. *– Как говорится – чего ждем, то и получаем. Скажи, Катрина, ты хорошая супруга? Хорошая? Ну конечно, хорошая, как же тут можно сомневаться. Но дело не в этом... скажи, когда ты стала хорошей супругой?*

Катрина стиснула зубы, правой рукой она сжала бокал, а пальцами левой до боли ухватилась за край стола.

– Нет-нет, не нужно нервничать. Мы же правду ищем... так когда? Сразу после свадьбы? Через месяц, через год? Когда? – голос требовательно повысил тон. *– Ты стала хорошей женой после смерти мужа, вот как обстоит дело! Да, Катрина! Да? Ведь правда?! Вдруг внезапно, раз и все – и ты самая прекрасная и верная вдова на всем белом свете. Да что же это такое? А?*

Катрина застонала сквозь стиснутые зубы и опустила голову, чтобы окружающие не заметили боли и отчаяния на ее лице.

– Что? Больно? Правда? В точку? Ты гребаная эгоистка, которая стала хорошей женой после смерти мужа, когда он уже гниет и его жрут черви. А ты, вдруг, ни с того, ни с сего, стала праведницей и самой любящей вдовой! Черт, как же это мерзко, как же это отвратительно! Это просто позор! Позор твоей гнилой и грешной душонке! Какая же это... крайняя степень эгоизма – стать хорошей женой, когда это уже нахрен никому не нужно! Кроме тебя! Ты – долбаная сука! Мерзкая тварь! Эта верность, эти разговоры со стенами, эти поцелуи фотографии – это никому не нужно, кроме твоего чувства стыда! Ага, Катрина, каково?! Стыдно! Больно! Осознание собственной мерзости разрывает сердце и просит болеутоляющего, да! Так, давай поговорим с дохлым, давай поплачем глядя на его фото, давай же! Сука, давай! Давай!

Катрина вскрикнула, дернулась всем телом, и правой рукой сжимавшей уже полупустой бокал размахнулась и с силой швырнула его об пол. Звон стекла заставил всех присутствующих обернуться на девушку. Тяжело дыша, с диким взглядом она смотрела на осколки бокала, обхватив голову руками.

– Ну-ну-ну, – голос заговорил тихо и успокоительно. *– Не стоит привлекать внимание, не нужно так нервничать. Я лишь говорю то, что ты отказываешься признать.*

Не поднимая глаз на людей в помещении, она чувствовала, как ее сверлят удивленные и заинтересованные взгляды. Краем глаза она заметила, как бармен, глядя на нее, покачал головой и что-то шепнул мужчине за стойкой, также не сводившего с девушки пристального взгляда. Катрине больше всего хотелось встать и обматерить всех присутствующих, взять последний бокал с коньяком стоявший на ее столе, и выплеснуть его содержимое в первое попавшееся лицо. Крепко сжав голову руками, она подавила в себе это отчаянное желание, рожденное злостью на саму себя. Она вновь дала слабину. Голос опять довел ее до истерики, она не сдержалась и сделала шаг назад. Катрина чувствовала невыносимую фатальную аго-

нию, понимая, что она слабей, чем голос в ее голове. Понимая, что стоит ему добавить, как все ее достижения в войне против него разбиваются о бетонную стену его мощнейшего влияния на нее. Она понимала, что в итоге все ее старания и успехи являются иллюзией. Даже эта родная и собственная уверенность, которую совсем недавно почувствовала Катрина в себе, не может ничего противопоставить ужасающим методам голоса, потому что ее слишком мало. Да, Катрина понимала, что ее собственного сознания остается значительно меньше сознания уже поработанного. Понимала и чувствовала безысходность.

– Простите, – едва слышно вымолвила Катрина, не глядя на официантку подошедшую, чтобы смести осколки. – Он... он выскользнул из руки... я не хотела... не хотела.

– Ничего страшного, – нехотя улыбнулась девушка.

– Вот, возьмите, – Катрина дрожащей рукой протянула деньги. – Сдачи не надо... там должно хватить.

– Спасибо, – девушка взяла деньги и отошла.

Катрина уперлась локтями в стол, и вновь сжала голову ладонями. Она чувствовала, как кровь пульсирует в висках, ей казалось, что она слышит собственное сердцебиение. И ей казалось, что и сердце уже не ее, что вся она практически не своя, остался лишь небольшой кусочек сознания, яростно сопротивляющийся злу, поселившемуся в ней, и держащий его осаду. Маленький кусочек, за который она старалась уцепиться и придумать гениальный стратегический план, чтобы с помощью силы духа перехватить инициативу в этой войне.

– Успокоилась? Вот и хорошо. Тогда продолжим. Да, Катрина, ты была отстойной женой. Потому что не было в тебе к дохлomu ни уважения, ни настоящей любви, и глупо это отрицать. Любви нет и сейчас, есть лишь попытки оправдать саму себя, заглушить стыд и придумать боль. Потому что настоящей боли утраты никогда и не было... и нет. Вот так вот. Есть раскаяние за то, что ты была дрянью. Но ты как была дрянью, так ею и осталась. Потому что живешь во лжи, – голос помолчал и ехидно добавил: – Катрина, ты как? Может «скорую» вызвать?

Катрина была уже достаточно пьяна – она пила четвертый бокал коньяка, и для нее это было много. Голова потяжелела, мысли путались, предметы еще не двоились, но принимали размытые очертания. Лишь голос продолжал звучать четко и ясно, всаживая ножом каждое свое слово в сердце девушки.

– Шлюха, – сказал он шепотом.

Катрина усмехнулась.

– Ты ведь это хотела услышать, не так ли? Шлюха и прелюбодейка. Изменищица. Да... Макс. Отличный парень. Сколько он за тобой носился? Полгода? Ты была на третьем курсе, а он на пятом, я ничего не путаю? Просто вспомнить его охота... Высокий, красивый, веселый и умный. А как играл в теннис – одно удовольствие наблюдать. Спортсмен, целеустремленный и сильный – полная противоположность дохлomu. Ахахаха! Да! Полная противоположность.

Катрина почувствовала, что сейчас закричит и до боли закусит нижнюю губу.

– Но... почему-то был отвергнут, казался слишком идеальным, да? А потом ты вышла замуж – банальная история. А потом он написал тебе в сети, что завтра придет в Санлайт на одни сутки. Ахаха! Ну, что ты так напрягаешься? Ну переспали, да и ладно – ну, в самом деле, что такого? А то... что через месяц он написал опять, – голос принял отвратительно невинный тон. – И опять переспали. Как мило. Ну, что взять со шлюхи? Такова ее натура.

Катрина вцепилась ногтями в стол и едва слышно захрипела.

– Что? Это было всего лишь два раза? Два раза? – голос начал повышать интонацию. – Так вот именно, Катрина! Вот именно – два! С одним и тем же человеком! Катрина, единичную измену можно списать на опьянившую страсть, да, такое бывает. Бывает, что человек еще до знакомства дико возбуждает, и начинаешь хотеть его подсознательно – от этого никто не застрахован, каждого в жизни могут накрыть гормоны при определен-

ных обстоятельствах. Бывает, что человек кажется тебе настолько близким, что совладать с инстинктом невозможно. Но... такая страсть проходит также стремительно, как появилась. Это мимолетная страсть – переспали и все. И обоим понятно, что это никогда не повторится. Но даже такую измену нельзя понять и принять. А в твоём случае, Катрина... дважды! Дважды, с одним и тем же человеком. А это уже предпочтение, да! Когда хочешь убежать от мужа, чтобы повторить секс с другим человеком – это предпочтение! Ахаха! И к черту сейчас твои рыдания.

Из глаз Катрины катились слезы.

– Что? – голос говорил жестко и без капли сожаления. – Какая нахрен случайность? Никакая это не случайность. Это закономерность! Да о чем ты говоришь?! А? Да ты отсосала ему в первый вечер! Катрина, опомнись! Сколько раз за три года отношений труп получал минет? Три? На каждый день рождения? Вот именно. Но Макс... Макс умеет трахаться, в отличие от твоего немоющего муженька. Вот и все! Вот и вся правда. Тут и отсосать как долг.

Катрина плакала и горько всхлипывала, закрыв лицо руками. На нее бросали удивленные взгляды, но подойти никто не решался, вероятно, списывая все на пьяную истерику.

– Не плачь, – сказал голос наигранно мягким тоном. – Не плачь, членососка. Так бывает. Можно еще вспомнить о вчерашнем парне. Как его? Ричи, вроде бы. Симпатяга, правда? Немного странный, но это еще более возбуждающе, не так ли? Такой милый, такие вещи приятные умеет говорить, да? Скажи, Катрина, что ты чувствовала рядом с ним? Ну что ты все рыдаешь?

Катрина одним глотком допила свой коньяк и, упав на стол, уже рыдала навзрыд.

– Ну. Скажи, что ты чувствовала рядом с ним? Похоть, Катрина! Невыносимую похоть! Тебе хотелось его прямо на рабочем месте, хотелось невыносимо, ты еле сдерживалась, чтоб не прыгнуть на него и не затрахать до смерти! Так ведь, Катрина? Я ведь прав! Ты хотела его животным инстинктом, жаждала, чтобы он схватил тебя, сорвал одежду и взял прямо на прилавке! Ты хотела ему отсосать, Катрина?! Хотела?! – голос гремел разрывая голову девушки и заставляя ее дрожать всем телом. – Отвечай, гребаная сука! Хотела отсосать ему?! А?! Ты, тварь, отвечай мне немедленно!

– Да! Да! – закричала Катрина, ударяя кулаками по столу. – Хотела! Хотела!

Она без сил упала головой на стол. Голос стих. Бар погрузился в тишину, и Катрина услышала, как бармен кому-то негромко шепнул:

– Это уже вторая психопатка за сегодня. Сейчас, наверное, еще уснет.

И Катрина уснула. А скорее, просто потеряла сознание от невероятного эмоционального стресса.

Она проснулась оттого, что кто-то тербил ее за плечо. С трудом, чувствуя злость и отвращение, она подняла голову и увидела бармена, пытавшегося ее разбудить.

– Простите, но у нас не спят, – сказал он. – Может вам лучше пойти домой?

– Пошли этого придурка подальше! – процедил голос.

– Пошел на хрен, гребаный урод. И не вздумай ко мне прикасаться, если глазами дорожишь, – сквозь зубы прорычала Катрина и, опустив голову, вновь уснула.

И вновь ее разбудили чьи-то настойчивые руки, трясшие ее за плечо.

– Какого черта, – прошипела Катрина поднимая голову, и готовая вцепиться в назойливого бармена.

Но подняв голову, она отпрянула в кресле, увидев перед собой молодого человека в полицейской форме. Бар уже опустел, и кроме них и двух человек персонала в зале никого не было. За окнами было темно, и был слышен шум возобновившегося дождя.

– Я прошу прощения, – вежливо обратился полицейский, глядя на взъерошенную Катрину, глаза которой были еще затуманены алкоголем и удивлением. – Я могу вам чем-нибудь помочь? Может вас подвезти домой?

– *А что?* – проснулся и голос; теперь он говорил с задумчивой интонацией. – *Довольно интересный вариант.*

– Девушка, – повторил полицейский, – вы меня слышите? Могу я вам помочь?

– Можешь, – прошептала Катрина и утвердительно покачала головой. Затем резко вскочила, опершись ладонями о стол, и заорала мужчине в самое лицо: – Трахни меня! Ты, черт в форме! Трахни меня, как никогда не трахал свою долбаную женушку! Оторви меня прямо на этом столе!

Катрина с силой толкнула опешившего полицейского в грудь, и тот больше от удивления, сделал шаг назад. Бармен и официантка с невероятно округлившимися глазами наблюдали эту сцену из-за стойки.

– *Ахахахаха!* – голос хохотал своим громовым дьявольским смехом.

– Что стоишь, ты, придурок?! – продолжала орать Катрина. – Возьми меня на этом столе! Или смелости не хватит?!

Полицейский пришел в себя и, сделав шаг навстречу, неуверенно сказал, протягивая к Катрине руки:

– Боюсь, вам придется проехать со мной в участок.

– Да, конечно! – рывкнула Катрина, ловко запрыгнула на стол и со всей силы ударила мужчину ногой в грудь.

– *Аааааааа!* – в восторге завопил голос. – *Вот она! Вот она – моя девочка!*

Удар озверевшей девушки оказался настолько сильным, что полицейский отлетел на два метра от нее. Катрина спрыгнула со стола и пулей бросилась к выходу. Выскочив из бара, в сопровождении громового восторженного хохота, она подскочила к своей машине, нервными движениями достала ключи, и прыгнула за руль. Машина с визгом сорвалась с места.

– *Куда теперь?* – восторженно кричал голос. – *Куда едем, девочка ты моя золотая? Куда? Ахахахаха!* – голос завизжал от радости. – *Да! Да-да-да! Куда же еще? Только туда! Только к нему! Я обожаю тебя! И ты скажешь правду? Катрина, ты скажешь ему правду? Ты скажешь, что он –дохлое ничтожество, которое не играет в твоей жизни никакой роли?! Ты скажешь, что тебе плевать на него?! Что он долбаный неудачник, который не смог доставить тебе за три года ни одного оргазма?! Скажешь? Дорогая моя! Конечно скажешь, ведь правда торжествует! Я слышу ее могучую поступь! И труп ее узнает!!!*

Словно переводя дыхание, он помолчал секунд десять и продолжил, на этот раз медленно, спокойным и философским тоном:

– *Дурочка ты моя. Разве ты и впрямь подумала, что я могу тебя в чем-то обвинять? Что я могу позволить себе упрекнуть тебя в измене? В измене этой твари, которая забрала три прекраснейших года твоей жизни и даже после своей – вполне оправданной и заслуженной смерти, – продолжает терзать твою душу и заставляет чувствовать раскаяние. Да рядом с таким идиотом не то, что изменишь, а в проститутки подашься, не так ли? Катрина... все изменяют! Все! В этом нет такой трагедии, которую ты создала из этого. В твоём случае измену вообще нельзя считать изменой, потому что вся твоя жизнь с ним – это было сплошное самопожертвование. А ты... черт, из-за двух раз с другим мужчиной ты заклеила себя иллухой! Да как же так? Катрина! Я тебе скажу в чем дело. Раз уж мы начали достигать правды и сейчас едем сказать правду дохлому, в его мерзкую морду, то надо идти до конца. Знаешь, почему тебе стыдно за измену? Спустя два года это ощущение в тебе только усиливается, я ведь прав? Вот почему: ты настолько презирала своего мужа, что представить себе не могла измену с его стороны! Ты бы никогда не простила, ты бы возненавидела его, плюнула бы ему в лицо, растоптала бы, заставила чувствовать себя самым*

последним отстоем на всей планете. И вот это чувство, чувство собственного верховенства над ним неразрывно связывало ваш брак. Чтобы такое ничтожество, которое должно целовать тебе ноги за одну только возможность спать с тобой в одной постели, позволило себе такую дерзость как измена? Нет! Нет, нет и еще раз нет! И самое главное... самое главное, Катрина! Ты знала, что он бы никогда! Слышишь, никогда он бы так с тобой не поступил! Это было ясно как день, как рассвет и закат, это была простая аксиома, это было понятно при одном только взгляде на него. Он бы никогда тебе не изменил! Вот откуда твой стыд, Катрина! Вот откуда ложная любовь, ложная боль! Спустя два года ты вбила в свою голову идею о том, что ты последняя тварь и потаскуха, ты ломала себя глупыми упреками и пыталась заглушить это разговорами со стенами. Ты не любишь дохлого. Ты любишь себя, ты жалеешь себя. И не можешь поверить, что способна на подлость и измену человеку, который искренне тебя любил, который беззаветно тебе доверял, и который никогда бы не поступил так с тобой. Да, осознание этого сполна проникло в тебя после его смерти и уродует твою судьбу. Но, Катрина... ты не совершила ничего, чтобы заслужить такое наказание. Ты действовала согласно обстоятельствам, вот и все. И хватит ломать свою жизнь. Сейчас, когда ты скажешь дохлону правду, то почувствуешь в себе новую жизнь. Ты просто молодая женщина. И как любой молодой женщине, тебе нужен хороший крепкий член... о! Приехали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.